

INSPIRIA

На краю света

«Пронзительно и трогательно.
Выдающаяся история, способная пролить
свет на некоторые важные личные проблемы».

The Sun

Эбби Гривз

INSPIRIA

Эбби Гривз

На краю света

Серия «Novel. Истории одной семьи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66390528

На краю света:

ISBN 978-5-04-158802-1

Аннотация

«Она подождет еще этот час, и даже тогда, она знала, ей будет хотеться остаться возле станции навсегда. Она будет ждать до тех пор, пока у нее не подогнутся колени. Она не двинется с места, не переступит, не бросит. Она не сдастся. Она будет ждать, ждать – и потом подождет еще немного. В конце концов, не это ли она обещала Джиму?»

На краю света или в Илинге. Всегда».

Многие пассажиры лондонской станции «Илинг Бродвей» знают Мэри О'Коннор в лицо. Красивая женщина лет сорока появляется у входа каждый день. Она всегда держит табличку с надписью «Джим, вернись домой».

Пассажиры идут мимо, но Алиса, начинающий репортер, однажды решает остановиться. Это же ничего, если она попросит Мэри рассказать свою историю?

Историю, которой семь лет и в которой есть обман, непонимание и пропажа человека.

Человека, которого Мэри любила, но потеряла. Человека, который сказал, что однажды они непременно встретятся «на краю света или в Илинге».

И Мэри знает – это не шутка.

«Эбби Гривз находит необычное в обыденном». – *Booklist*

«Пронзительно и трогательно. Выдающаяся история, способная пролить свет на некоторые важные личные проблемы». – *The Sun*

Содержание

2018	6
– 1 –	10
– 2 –	20
– 3 –	32
– 4 –	43
– 5 –	56
– 6 –	62
– 7 –	74
– 8 –	85
– 9 –	93
– 10 –	101
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Эбби Гривз

На краю света

© Бялко А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

2018

Мэри О'Коннор была частью пейзажа станции Илинг Бродвей. Зачастую ее не замечали и не ценили, так же как многие вещи, позабытые у дороги. Но на этом сходство заканчивалось. Мэри отнюдь не была потасканной и неопрятной – скорее, наоборот.

Ее волосы были собраны на затылке в аккуратный пучок, а темные пряди отсвечивали каштановым блеском. Мэри много лет не была в парикмахерской, считая это незаслуженной роскошью, но благодаря хорошей генетике ее волосы все равно были в превосходном состоянии. Той же генетике она была обязана симметричными чертами лица, высокими скулами и четким орлиным носом. Даже без малейших следов косметики ее глаза казались огромными. Ищущими, заметил бы внимательный наблюдатель. Или загнанными.

Каждый вечер Мэри отправлялась сюда прямо с работы, закончив наводить порядок на полках супермаркета в конце улицы. Идти домой переодеваться времени не было – ее смена кончалась в пять тридцать, и надо было спешить на станцию, чтобы не упустить ни минуты людского столпотворения. Она просто застегивала кофту поверх фирменной желтой майки, выданной на работе. Может, это не было модным, но красоту Мэри не могли испортить даже такие преступления против хорошего вкуса.

Едва Мэри вошла на станцию, ее тело само по себе перешло в режим автопилота. Она нашла себе место под бетонным навесом у входа, в нескольких метрах от билетного турникета, слева от киоска, торгующего кофе. Удовлетворившись выбором места, она достала табличку. Она всегда носила ее с собой, сложенную пополам и засунутую в задний карман рюкзака. Складка посередине с годами заметно истрепалась. *И не только она*, подумала Мэри, сжимая губы от резкого приступа боли под левой лопаткой. На прошлой неделе ей исполнилось сорок. Но эмоциональный груз последних лет заставлял Мэри ощущать себя старше по меньшей мере лет на двадцать.

Она была высокой, почти метр восемьдесят, и ей понадобилось несколько секунд, чтобы выровнять табличку на уровне глаз среднего человека. Затем она развела ее углы в стороны, являя свое сообщение миру. Когда пальцы начинали цепенеть, она шевелила ими, но всегда делала это достаточно осторожно, чтобы не заслонить ни сантиметра надписи: «ДЖИМ, ВЕРНИСЬ ДОМОЙ». Каждое слово было важным, каждая буква – выбита в ее сердце.

– Джим? – спрашивала она у протискивающихся мимо прохожих, склонивших головы к телефонам или к страницам бесплатной местной газеты. В последние пару лет ей стало казаться, что число людей, отвечающих ей, пугающе возросло. Но на самом деле они говорили в свои наушники, крошечные белые «запятые» микрофончиков, которые были по-

что невидимы и не имели никаких проводов. Это сбивало с толку. Но все равно – это *они* смотрели на нее, как будто *она* была оторвана от реальности.

В удачный день один или, может, даже два человека могли остановиться и спросить про нее или про Джима. Обычно это были какие-нибудь озабоченные доброжелатели, считающие, что она нуждается (или что повредилась в уме), и с ней нужно пообщаться пару минут. Несмотря на ее аккуратный вид, пару раз в месяц люди пытались сунуть ей сколько-нибудь денег. Но как было объяснить им, что если ее и можно назвать бездомной, то лишь в том смысле, что она лишилась человека, который был ее домом? Они всегда уходили раньше, чем Мэри удавалось подыскать нужные слова.

Зимой она покидала свой пост, когда ее руки так кочене-ли, что табличка начинала выпадать из них – после примерно двух часов в тонких шерстяных перчатках. Это всегда вызы-вало в ней новый приступ вины. Что, если она ушла слишком рано? Что, если Джим пройдет как раз в ту минуту, когда она вставляет ключ в замок своей квартиры? После почти семи лет этой рутины, после шести полных циклов зима-вес-на-лето-осень, она почти примирилась с этим сосущим ощу-щением своей безответственности, всегда сопровождавшим ранний уход.

Но сейчас, в начале августа, она могла простоять до деся-ти вечера. Это даст ей лишний час, судя по серебряным ча-сикам на тонкой цепочке, его драгоценному подарку. Мэри

готова была выносить боль в ногах, плече и сердце, потому что ей все равно некуда было идти и не хотелось видеть квартиру, пустую, как мавзолей, удушающую своей тишиной.

Она подождет еще этот час, и даже тогда, она знала, ей будет хотеться остаться возле станции навсегда. Она будет ждать до тех пор, пока у нее не подогнутся колени. Она не двинется с места, не переступит, не бросит. Она не сдастся. Она будет ждать, ждать – и потом подождет еще немного. В конце концов, не это ли она обещала Джиму?

На краю света или в Илинге. Всегда.

– 1 –
2018

Десять. Мэри повертела головой из стороны в сторону. В шее что-то щелкнуло, а потом как будто слегка зашуршало, как листья под ногами. Те, кто говорят, что стоять полезно для здоровья, явно не проводят на ногах двенадцать и более часов в день. Сложив табличку, Мэри засунула ее обратно в рюкзак и оглядела станцию в последний раз. Хотя она уже успела привыкнуть к разочарованию, вид перрона, где не было того единственного, желанного лица, причинял боль.

Поскольку был вторник, у Мэри не было времени зайти домой до ее ночной, с одиннадцати вечера до трех утра, смены в «НайтЛайне», местном кризисном кол-центре. Она работала в ту же смену еще и по четвергам, и работала бы больше, если бы Тед, начальник и старший наблюдатель, решительно не отказал ей из опасений, что она перенапряжется до истощения. Она и в самом деле была настолько измученной – и физически, и эмоционально, – что уже забыла, как бывает по-другому. Она надеялась, что пятнадцатиминутная прогулка от станции до начальной школы Святой Катарины, где располагался благотворительный кол-центр, взбодрит ее настолько, что сил хватит на ночное дежурство на телефоне.

Когда Мэри только начала работать в «НайтЛайне» – спу-

стя три месяца после всего, что случилось с Джимом, ей, даже несмотря на то что она уже начала нести вахту на станции, все время казалось, что этого недостаточно. Потеря оставила в ее жизни такую пустоту, что этот разверзшийся кратер поглотил ее целиком. И даже притом что все это невозможно было заполнить, Мэри понимала, что она должна хотя бы *пытаться* делать что-то, чтобы удержаться за оставшиеся обрывки будущего.

И поэтому, когда объявление о поиске новых волонтеров появилось на местной доске объявлений в самые первые дни ее работы в «СуперШопе», Мэри инстинктивно оторвала листочек и засунула в карман штанов. Первые пару дней он там и оставался. Всякий раз, когда она думала написать туда и навести справки, перед ней, не давая нажать на кнопку «Отправить», как марионетка, выскакивала одна из маминых любимых фраз: *Ты не можешь никому помочь, пока не поможешь себе.*

В этом афоризме, как и во всех других, была своя логика, но если бы помощь другим предлагали только те, кто не нуждается в ней, благотворительных организаций наверняка бы не существовало? Кроме того, Мэри отвечала большинству требований для волонтеров – она была обязательной, надежной, хорошим слушателем. Она не до конца была уверена в своей способности «оставаться уверенной в кризисной ситуации», но сказала себе, что «НайтЛайн» ничуть не хуже других возможностей этому научиться.

Она никогда не получала столько информации в таком интенсивном режиме, как во время своих первых тренингов. Тед начал с выделения наиболее важных страниц в толстом учебнике, но скоро оставил это; возможно, он понял, что Мэри достаточно сознательна, чтобы самостоятельно выучить его от корки до корки. Столько чтения, но из всего этого Мэри в итоге приняла к сердцу единственную фразу, выделенную наверху страниц в качестве девиза всей организации, — *«Место для разговора»*.

Она опять подумала о Джиме, что не было ново само по себе, но ее мысли получили новое направление. Она провела столько времени, перебирая все их разговоры, какие только могла вспомнить. Но теперь она осознала, что, даже если вспомнить все до последней буквы, эти цепочки слов все равно не смогут передать всей истории. И Мэри пообещала себе, что будет предоставлять своим ночным собеседникам так много пространства, как только сможет.

Хотя ее самооценка за последние годы практически рухнула, она знала, что была хорошим волонтером. И, несмотря на свою тяжелую роль, начала понимать, что в эти дни в «НайтЛайне» чувствовала себя лучше, чем где угодно еще. Тут было ощущение собственной пользы, поддерживающее после всех перепадов дневной вахты. Тут была поддержка школьных стен. И тут была компания других волонтеров, к которым она по-настоящему привязалась.

Из всех них дольше других она знала Теда, хотя он, стро-

го говоря, не был волонтером. С тех пор, как два года назад умерла его жена, он решил не отвечать на телефонные звонки, пока сам находится в горе. И работал только в режиме «управления» – составлял расписание, координировал, занимался скучной рутинной. Оба они были как корабли в ночи, проходящие друг мимо друга, пока в прошлом году, когда его младший сын уехал в университет, он не признался Мэри, что чувствует себя довольно одиноко.

Нас таких двое, подумала Мэри, прежде чем раскрыться настолько, чтобы спросить, не хочет ли он иногда сходить на прогулку. И теперь прогулка воскресным утром вошла для них обоих в привычку. Несколько недель назад они вместе дошли до Кью, чтобы «отметить» его пятидесятилетие – если так можно назвать два кекса, съеденных в кафе.

– Добрый вечер, – поздоровалась Мэри, входя в класс.

Тед стоял к ней спиной. На нем была обычная майка поло и шорты цвета хаки. Он стоял под лампой, и его бритая голова сама светилась, как лампочка. Мэри увидела, что он наполняет заварочную чайную колбу. Та, однако, сопротивлялась. Барабан из нержавеющей стали покачивался на краешке стола.

– Мэри!

Обрадовавшись ее приходу, Тед ослабил руку, державшую колбу, и та со звоном упала на пол. Оба вздрогнули.

– Эта штука просто кошмар какой-то, – сказал Тед. Барабан закатился под стол. Мэри всегда удивлялась, насколько

нейтрально звучал его голос для ее ирландского слуха. Ни тени акцента, хотя у него были все признаки простого парня, состарившегося в Ист-Энде.

– Хорошо съездил? – спросила Мэри.

Тед кивнул, и Мэри заметила его загар. Он всегда был достаточно загорелым – одно из следствий работы садовником, – но теперь, после двух с половиной недель, проведенных в гостях у своих старых родителей в Дорсете, он стал просто бронзовым. И от этого помолодел лет на десять.

– Спасибо, да. Хотя так тяжело видеть, как они стареют.

Мэри старалась не думать о своей собственной маме, сильно сдавшей в последнее время. Ее распухшие щиколотки как теннисные мячи нависали над домашними тапками. *Примерная дочь, напомнила она себе, проводила бы вечера, стараясь помочь ей, а не торчала бы где-то на станции в тысяче километров.* Но она задвинула эту мысль подальше.

– Я пойду, – прорвался сквозь ее размышления голос Теда. Похоже, она промолчала дольше, чем ей казалось, потому что, сфокусировавшись на комнате, она увидела, что Тед колеблется, не обнять ли ее на прощание. Вместо этого Мэри изобразила ему самую убедительную улыбку.

Когда он ушел, она села, наматывая на указательный палец телефонный шнур и ожидая прихода двух остальных дежурных волонтеров.

Вскоре она увидела в окно, как Кит и Олив переходят дорогу. Кит – двадцати с чем-то лет, с неисчерпаемой энерги-

ей школьника – рассказывал какой-то анекдот. Его светлые волосы падали на глаза, и Мэри могла представить, что Олив – хиропрактик на пенсии – с трудом удерживалась, чтобы не предложить ему резинку для хвостика. Кит был воплощением хорошенького лидера мальчишеской музыкальной группы, но с легким налетом неряшливости, отчего он всегда выглядел так, будто только что вернулся с какого-то фестиваля. Только подумать, что днем он работал в инвестиционном банке.

– Мне это кажется слегка натянутым... – проговорила Олив, войдя в комнату.

Обернувшись, она помахала Мэри рукой и направилась к учительскому креслу на колесиках. Расстегнув липучки своих сандалий, она вытащила из них ноги. Олив была старой знакомой Теда и работала в «НайтЛайне» с самого его основания. Это отчасти объясняло, почему она считала это место своей вотчиной.

– Как дела, *амиго*?¹

Последнее, что слышали все волонтеры, – Кит скачал себе приложение по изучению испанского. Теперь, похоже, этому не будет конца.

В наступившей тишине Мэри осознала, что он обращается к ней.

– Это я?

– Что новенького? – подтвердил Кит.

---

¹ Amigo (*исп.*) – друг.

– Да есть кое-что. – Точнее было бы сказать *ничего*. Но как объяснить Киту, что ее жизнь никогда не отклоняется от привычного курса – смена в супермаркете, вахта на станции и два вечера в неделю здесь, в «НайтЛайне»? Она могла только представлять себе его образ жизни в Сити, наполненный тяжелой работой и множеством развлечений. И последнее, в чем она нуждалась, – это жалость.

– Летний отдых на горизонте?

Прежде чем Мэри успела пройти через муки ответа, телефон возле Олив звякнул.

– По местам! – рывкнула Олив на Кита. – Начинаем.

Скоро они начали по очереди отвечать на звонки, и комната погрузилась в молчание. Первый вызов Мэри оказался долгим, часа на два. Это был молодой человек, от которого ушла жена, забрав годовалых близнецов. Всегда нелегко выслушивать кого-то, кто не знает, ради чего ему имеет смысл просыпаться по утрам, и Мэри, без сомнения, могла разделить эти чувства лучше многих других. Конечно, она не говорила об этом. Волонтеры сохраняют анонимность и не должны давать даже намека на свою личную жизнь. Она обнаружила, что становиться пустым местом бывает утешительно. Для нее это стало более естественно, хотя она и понимала, что это нездорово.

Повесив трубку, Мэри сделала перерыв на пару минут. Съела шоколадку, оставленную ей Тедом, и налила новую чашку чая. Позже, оглядываясь назад, она думала, как самые

экстраординарные события, кажется, всегда случаются в самые обыкновенные моменты. Но в данный момент она, проглотив остатки шоколадки, снова подняла трубку.

– Добрый вечер, вы позвонили в «НайтЛайн». Прежде чем начать разговор, я дол...

– Алло? – мужской голос на другом конце линии звучал сдавленно и хрипло, как будто микрофон закрывали рукой.

– Алло, добрый вечер, это «НайтЛайн». Сначала я должна задать вам несколько вопросов...

– Я хотел сказать, что соскучился.

Мэри не поверила своим ушам. А ведь она провела здесь достаточно времени и думала, что слышала все.

– Ты еще тут? – спросил голос. Звук был приглушенным, слова звучали нечетко и смазанно.

– Да, да... – Мэри положила свободную руку на стол и увидела, что она дрожит, несмотря на напряженные мышцы. На секунду она попыталась сосредоточиться на текущем моменте. Но это было бесполезно; она уже уносилась по спирали времени назад, туда, где они только встретились. Ведь это же невозможно, правда?

– Ты слышала, что я сказал? – Слова словно бы падали одно за другим, без сомнения, в результате опустошения полбутылки, если не больше, виски. Ее пульс бился и гремел.

– Да. Слышала, спасибо. Ты... ээ... соскучился. – На последних словах она запнулась. То, что сначала пробежало по ее спине тонкой струйкой надежды, теперь захватило каж-

дую клеточку тела.

– Я соскучился по тебе.

Мэри быстро взглянула через левое плечо, чтобы убедиться, что ни Кит, ни Олив не подслушивают. Она ощущала себя одновременно и защищающей добычу тигрицей, и той самой беззащитной жертвой, находящейся в нескольких сантиметрах от ее челюстей.

– Это был мой худший день за многие годы. Я так одинок, никто, никто не будет слушать меня. Так трудно найти силы, чтобы продолжать, когда не к кому обратиться. Кроме тебя. Ты всегда была здесь, со мной. Ты никогда не отступалась. Ты мое надежное...

На линии раздался треск. Мэри пропустила последнее слово, но сама произнесла те буквы, которые, как она знала, были там.

Место.

Прижав руку ко лбу, она обнаружила, что он был липким и теплым, как бывает, когда заболеваешь. Новый треск призвал ее лихорадочный разум к действию.

– Где ты? – сумела спросить Мэри. Даже если ей не удастся узнать место, координаты или хоть что-то прослеживаемое, сойдет даже и одно слово. Одно слово, ей больше не надо. *Ладно.* Потому что, если он все же позвонил, спустя столько времени, на это должна быть причина. Потому что, господи, а что, если он в опасности, или болен, или...

– Я не могу тебе сказать. Не теперь. Я хочу, чтобы ты услы-

шала меня, Мэри.

У нее захватило дыхание.

– Ты знаешь мое имя, – прошептала она, больше даже себе, чем кому-то еще.

– Что? – На другом конце линии снова раздался шорох, искажающий и прерывающий голос звуками невыключенного радио.

– Алло? Ты тут? Алло? – Мэри повысила голос, прорываясь сквозь ненадежную связь, пробивая помехи всей силой своего отчаяния. – Алло? – Ее снова охватило ужасное чувство, что она сказала что-то не то. Она больше не может потерять его. – Алло?

Но прежде чем она смогла сказать еще хоть что-то, связь прервалась.

Спотыкаясь, Мэри поплелась к двери. Она с трудом смотрела перед собой и шла не глядя, перебирая в голове все возможные наихудшие сценарии. Почему? Почему именно сейчас? Она прижалась пылающим лбом к стеклянной панели, ручка больно воткнулась в мягкую плоть живота. Что все это значило?

Она уставилась в зрачки собственного отражения, как будто там могла быть какая-то подсказка.

Но все, что она видела, был только Джим, в ту первую ночь, когда они были вместе: голос – шорох гравия, и лицо – дом.

– 2 –
2005

Мэри могла вспомнить во всех подробностях, где стояла в тот момент, когда впервые увидела Джеймса. Не потому, что это была судьба, укол стрелы Купидона или тому подобная чушь, на которую у нее не было ни времени, ни охоты. Нет, она помнила это потому, что это было то самое время и место, где она за секунду до того опрокинула на свою лучшую белую блузку полкастриюли *кок-о-ван*².

Худшего момента быть не могло. До момента приезда жениха с невестой оставалось не более получаса, и они заплатили за этот ужин более чем достаточно для того, чтобы главная официантка не была одета в главное блюдо. Ко всему прочему, соус был обжигающим. Обслуживать июльскую свадьбу в полной парадной форме было несладко даже и без того, чтобы добавлять в уравнение болезненный ожог.

Мэри оттянула хлопковую ткань от груди, чтобы охладить кожу, и поняла, что теперь примерно половина ее груди торчит наружу – на ней был один из этих абсурдно тоненьких лифчиков-балконетов, который ее заставила купить Мойра. Она огляделась, не видит ли ее кто-нибудь.

– Эй, вы там в порядке? – спросил мужчина, стоявший в

---

² Петух в вине (блюдо французской кухни).

дверях.

А это еще кто? Точно не один из кейтеров. Мэри бы удавилась, если бы кто-то из них выглядел словно модель на отдыхе. Один из свадебных гостей? Нет – было слишком рано, да к тому же он не был парадно одет, на нем были простые брюки и рубашка из тех, которые нарочно шьют без воротников. Кто бы подумал, что подиум мужской моды простирается до самого отеля «Стормонт» в Белфасте? Уж точно не Мэри.

Один из помидорчиков черри, сорвавшись со своего временного пристанища на ее левой груди, с хлопаньем шлепнулся на ковер.

подавив смешок, мужчина высунул язык из уголка рта. На его лице была щетина, которую, как слышала Мэри в разговорах девочек на ресепшен, шепотом называли «дизайнерской», когда в отеле проходили холостяцкие вечеринки. Сама она никогда не видела такого – до этого момента.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она. Да, ей было неловко, но ее возмущение подстегивалось страшным любопытством – что за незнакомец приближался к ней? Он ни на секунду не отводил от нее глаз.

– Мне?

– Да, вам. Кто еще наблюдает за происходящим, не говоря ни слова?

Он снова улыбнулся, на этот раз шире, с уверенностью, предполагающей, что ему и раньше приходилось видеть жен-

щин в промокшей насквозь одежде.

– Я не имела в виду, чтобы вы помогли мне. – Мэри вдруг осознала, что переступила черту. В конце концов, кто она такая, чтобы просить гостей помочь ей убраться? – Я сама виновата.

– Ну, я просто рано пришел.

Еще и англичанин. Мэри подумала, не из тех ли он, кто будет писать жалобы управляющему, или же это было просто случайное замечание, какое сделал бы Да.

– На свадьбу? – кивнула Мэри головой в сторону плана рассадки, установленному на пюпитре в углу подсобки.

– Хорошо бы! Нет, я здесь на конференции. Хирургов-отоларингологов.

Серьезно? Он казался чуть старше самой Мэри, которая в свои двадцать семь была уверена, что ее жизненный опыт позволяет достаточно точно определять возраст людей. Ему могло быть за тридцать, и то с натяжкой. Но это объясняло бы уверенность. Ну и еще этот понимающий взгляд, морщинки в уголках глаз. Он все еще смотрел на нее жадным взглядом. Практически пожирал глазами.

– Боюсь, я ничего не знаю об этой... – Мэри запнулась. – Вы можете... э... справиться на ресепшен.

– Но мне нравится здешний вид.

Что он сейчас сказал? Мэри надеялась, что ей не послышалось. Только этого не хватало в довершение к туману того морока, что нашел на нее.

Человек сделал еще пару шагов и остановился возле блюда с куриными ножками, в паре метров от Мэри. Ей давно не приходилось смотреть в глаза мужчины; большинство мужчин в Белфасте приходилось ей примерно по плечо. Она прикинула, что этот англичанин выше нее сантиметров на десять – прекрасный рост, чтобы застегивать ему верхнюю пуговицу, если бы она у него была.

– Вы уверены, что вам не нужна помощь?

Мэри позволила себе на пару секунд посмотреть ему прямо в глаза – озера густого, теплого орехового цвета, как будто облизываешь измазанный шоколадом нож. В их выражении было нечто игривое. Над левой бровью под волосами скрывался шрам. Ей было страшно интересно, как он его получил.

Ее руки под варежками для горячего задрожали.

– Нет, я в полном порядке. Но все равно спасибо за беспокойство.

– Джеймс. Меня зовут Джеймс.

– Да, конечно, спасибо, Джеймс.

– Ну, тогда я пойду.

Ради всего святого, вот зачем он это сказал? Мэри не хотелось, чтобы он исчез, и она бы его больше не увидела. Это было просто невозможно. Но какие у нее были варианты? Ей надо было сменить рубашку и подготовить прием.

Он сделал пару шагов. Но вместо того, чтобы уйти, схватил куриную ножку и вгрызся в нее с жадностью собаки,

неделю проблуждавшей в лесах.

– Потрясающе.

Мэри была так потрясена, что не шелохнулась, даже когда он направился к выходу. Она была настолько ошарашена, что, когда он, уже выйдя в коридор, обернулся и, сунув голову в дверной проем, спросил, как ее зовут, она ему ответила.

Свадьба прошла для Мэри как в тумане. Она отработала уже на таком количестве свадеб, что это не было ей в новинку. Но этот день был особенным: всякий раз, как она видела гостя с копной темных кудрей, у нее внутри все сжималось в надежде, что это окажется Джеймс; всякий раз, когда она поправляла на себе сменную рубашку, чтобы она не стягивала грудь, она не могла избавиться от обжигающего ощущения его взгляда.

Когда прием был окончен, она осталась, чтобы убраться. За это платили вдвое больше, а каждая копейка была в семье совсем не лишней, хоть мама всегда и причитала над деньгами Мэри. Мама хотела, чтобы она оставляла себе достаточно, чтобы «жить своей жизнью». Первые несколько лет это означало выпить пару бокалов водки с колой, когда Мэри ходила куда-нибудь с девочками с работы.

Но после окончания школы эти вечера случались все реже, и в конце концов из всей компании остались только Мэри и ее лучшая подруга Мойра. Все поразъехались по университетам или начали учиться на курсах бухгалтеров, косметологов или сварки, как Кьяра Кэмпбелл. В расставании

со старой компанией был один плюс; было труднее сказать, как быстро все остальные изменили свою жизнь.

Мэри собирала оставшиеся приборы, стараясь не думать о том, как обстоятельства заманили ее в ловушку работы, которую она считала лишь временной. Она провела в «Стормонте» уже одиннадцать лет, с тех пор как в шестнадцать окончила школу. Это легко, если ты знаешь, что скоро уйдешь; и гораздо труднее, если не понимаешь, что можно сделать. В свободное время она делала карты из лоскутков, но это было хобби, не больше. Мама вставила одну из них – карту Белфаста, самую лучшую – в рамку и повесила в коридоре, – но все равно она годилась лишь на то, чтобы напоминать Мэри о ее незадавшейся карьере художника. Жизнь с родителями тоже не способствовала развитию ее таланта: привычный комфорт никогда не вызывает желания расправить крылья.

Она начала собирать стаканы. Один казался треснутым, и она остановилась, подняв его к свету, чтобы рассмотреть, так ли это. В его отражении Мэри видела, что выглядит ненамного старше, чем была, когда только начала здесь работать. Это все из-за больших глаз, решила она. Она всегда знала, что красива в общепринятом смысле, но признавала это только про себя. И даже это было далеко от скромных воззрений, в которых ее воспитывали. Как говорила мама – красота не доведет до добра.

– Мэри?

Ее глаза метнулись к дверям.

– Хорошая свадьба?

– Не моя же.

– Да, я догадался. – Он выглядел еще лучше, чем ей запомнилось. Он расстегнул пуговицу на своей дурацкой рубашке и закатал рукава, так что Мэри могла любоваться его запястьями. – А как теперь насчет помощи?

Ну что ж, второй раунд.

– Давайте, – сказала Мэри, когда ее сердце наконец вернулось на место из глотки. – Можете начать со скатертей. Их надо собирать в корзину для прачечной.

Джеймс подчинился указанию, и Мэри пришлось заставить себя не смотреть на него, упиваясь самим фактом того, что он вернулся. Ей надо было знать – зачем, но как об этом спросить, без того чтобы не показаться ни отчаявшейся, ни слишком радостной? Она решила поступить решительно. В конце концов, он англичанин; с большой вероятностью она никогда больше его не увидит.

– Так что же снова привело вас сюда? Вряд ли любовь к уборке.

– Вы.

– Простите?

– Вы меня слышали. – На сей раз Джеймс взглянул на нее. Снова эта улыбка. Она даже не представляла, что можно так легко и дружески чувствовать себя с незнакомцем, что можно ощущать себя настолько уютно. – Вы, – продолжал он. – В

вас есть что-то... загадочное. Тихая, но резкая. Да, наверное, дело именно в этом. Ну, и красавица, это тоже способствует, но дело не в этом. Мне захотелось понять вас. Я соскучился за эти несколько часов.

Мэри понятия не имела, что отвечать. Разве англичане не славятся своей молчаливостью? Или же это все чушь, из тех, что показывают в кино? В любом случае Мэри не знала никого настолько прямолинейного в мыслях и комплиментах. Ей надо было бы поблагодарить, но это было бы уж очень поделовому. Лучше ничего не предпринимать, чтобы не разрушить атмосферу момента.

Джеймс занялся скатертями.

– Не хотите выпить? – она взяла два чистых бокала и наполовину полную бутылку вина.

– Я уж думал, вы никогда не предложите.

Джеймс сел рядом с Мэри, касаясь ее коленом. Приподнимая бокал, он сказал:

– Ну, за свадьбы, конференции и неожиданные... *знакомства*.

Мэри покраснела. Она была не из тех, кто опережает события. Кроме того, она уже очень давно ни с кем вот так не общалась. Последним был Дин, но они расстались уже больше трех лет назад. Мойра считала, что она начала зарастать в их отношениях паутиной. И Мэри трудно было с ней не соглашаться.

– Откуда вы? – спросила она, пытаясь сменить тему

прежде, чем ее мысли отразились бы у нее на лице.

– Илинг. Западный Лондон. Вы бывали в Лондоне?

Мэри покачала головой. Она однажды была со школьной экскурсией в Кале, но на этом ее путешествия за пределы Северной Ирландии исчерпывались.

– Он прекрасен – ну, по крайней мере, для туристов. Для жизни слишком уж сумасшедший. И очень дорогой. Но я там вырос и теперь без него не могу.

Это было Мэри понятно. Джеймс поболтал немного о достопримечательностях в округе, спрашивая, много ли она путешествует и что ей нравится? Это был разговор, который, как чувствовала Мэри, можно было поддерживать бесконечно, особенно с заинтересованным собеседником, но она отчего-то ощущала странное нетерпение.

– Вы живете один? – Пусть это выглядит предосудительно, но она хотела убедиться, что не наступает никому на пятки. Она никак не могла проверить его честность, оставалось полагаться лишь на внутренние инстинкты, а прямо сейчас ее желудок скручивало с такой силой, что она боялась, что это можно услышать.

– Завятый холостяк. – Джеймс прижал руку к сердцу. – Я однолюб, но только с той единственной женщиной; а в отсутствии той единственной женщины я...

– Одинок, – закончила фразу Мэри. Прелестно. – Я имела в виду – вы сейчас, здесь – один?

Джеймс поднял брови, и Мэри потребовалось волевое

усилие, чтобы не растерять всю свою уверенность. Такая прямота была совсем не свойственна ей, но каким-то образом она чувствовала, что это ей идет. Когда еще ей представится такая возможность? Уже в понедельник этот человек вернется на свою работу на другой стороне Ирландского моря.

– Да. Именно так.

Мэри поняла, что ей придется сделать первый шаг.

– Может быть, нам стоит пойти проверить.

На ресепшен дежурил ночной портье. Тихий шорох врашающихся дверей прерывался его периодическими всхрапками. Пока они ждали лифта, Джеймс положил ладонь на поясницу Мэри. Когда дверцы раскрылись, он слегка нажал, направляя ее внутрь. Они встали так, что ее спина была прижата к его груди. Их отражения слегка искажались в металлической панели.

Лифт поднимался медленно, и Мэри подумала, не начнет ли он целовать ее прямо здесь, как это случилось бы в кино или в одной из этих заметок в «Космополитене», где женщины готовы заплатить полтинник за то, чтобы признаться во всевозможных сексуальных извращениях. Но нет. Мэри никогда не думала, что сдержанность может так раздражать.

Он жил на пятом этаже, известном как «навороченный», с большими номерами и парадным съютом в конце. *Его часто бронируют на медовый месяц*, подумала она с содроганием предвкушения. Когда они почти подошли к номеру, Джеймс

убрал руку и вынул из переднего кармана карточку от номера. Дверь открылась с первой попытки, и он шагнул в темноту, не дожидаясь, пока включится свет.

Мэри последовала за ним, закрыв дверь толчком бедра. Она прошла дальше в комнату, но губы Джеймса уже коснулись ее шеи. Продолжая целовать, он провел руками по поясу ее юбки, высвобождая рубашку и стягивая ее через голову одним движением. Он расстегнул застежку лифчика, и она опустила руки, ожидая, чтобы он упал с нее. Мэри подумала, что, наверное, она должна как-то снять колготки, а тело Джеймса уже было плотно прижато к ней, но прежде, чем она успела разобраться со всей этой логистикой, он просто наклонился и стянул их с нее, и она смогла отбросить ногой две упавших на щиколотки нейлоновые лужицы. Он подхватил ее и понес к кровати.

Мэри смотрела, как Джеймс раздевался. Он не глядел на нее, отчего, надо полагать, все становилось проще. Ей не приходилось следить за своим выражением лица или воображать, что она любит призовыми экспонатами сельскохозяйственной выставки. Хотя это не значило, что она ничего не заметила – то, в какой он был форме, как волосы у него на груди начинались на выступах ключиц, две линии, формирующие букву «V» в основании живота, который, казалось, был соткан из теней, заполняющих комнату.

Когда он лег в постель, его тело выгнулось над телом Мэри. Он коснулся ее сосков кончиками пальцев, скользнул к

самому верху бедер – и тут Мэри показалось, что, кажется, она уже видела его раньше. Он не говорил, что это был его первый приезд в Белфаст. Не могла ли она уже встречать его в отеле? Или в одном из баров в центре города?

Но она не успела зайти слишком далеко в этом переборе возможностей. С его головой между ног, руками, запущенными в его волосы, и подушкой, подложенной под бедра, ее разум довольно быстро померк.

Мэри кончила. Все ее тело дрожало. И, когда Джеймс положил голову ей на грудь, прижавшись ухом к раскрасневшейся коже, оба они задрожали вместе, как пропеллеры самолета с двумя пилотами.

Мэри провела пальцем по шраму над его левой бровью. Как один человек может быть настолько знакомым и совершенно новым одновременно?

Она уже чувствовала, что начинает влюбляться.

– 3 –
2018

После семи лет работы в «СуперШопе» рабочие навыки Мэри были отточены до совершенства. С утра она занималась раскладкой по полкам и перераспределением продуктов (при необходимости), а после обеда садилась за кассу, сканируя покупки покупателей до самого конца смены. Но сегодняшняя рутина, как и нервы Мэри, была ни к черту.

Сначала, перекладывая капусту, она начисто забыла про объем ящика и опомнилась только тогда, когда уровень кочанов на полу достиг ее лодыжек. А потом, уже на кассе, покупателю пришлось простоять примерно с минуту, протягивая ей членскую карточку, прежде чем Мэри заметила ее. В конце концов женщина кашлянула, и Мэри вернулась в реальность, рассыпаясь в извинениях, что, впрочем, отнюдь не убедило всех остальных, стоявших в очереди, в ее вменяемости.

Дженет, начальница, после этого сняла Мэри с кассы под предлогом, что ее помощь нужна на складе. Поднявшись, Мэри пошатывалась. Она сумела прожить большую часть этого дня совершенно без сна и без пищи, но хаотичное вращение шестеренок в ее мозгу, казалось, вовсе не собиралось притормаживать. Она без конца прокручивала перед собой

обрывки вчерашнего смятого разговора, и каждое воспоминание о знакомой теплоте голоса Джима вызывало приступ боли.

– В чем дело? – прошипела Дженет, едва они оказались в пустом уголке за переполненными морозильниками.

У ног Мэри одиноко лежал позабытый пакет мороженого горошка. Пиная его концом ноги, она теребила свой значок. Перевернутые буквы надписи *Я здесь, чтобы Вам помочь!* начинали расплываться.

– Ну же, Мэри, в чем дело? Я хочу как-то помочь тебе, но ты должна сказать, что происходит. Иначе, сама понимаешь... – Дженет неопределенно развела руками.

Мэри понимала ее. Ее продолжали держать в магазине только благодаря Дженет, несмотря на все вопросы, возникающие у более высокого начальства, видевшего ее вахту на станции. Очевидно, она была обязана всегда являться представителем марки «СуперШоп» – как во время работы, так и вне ее. Она и подумать не могла, что людям так важен моральный облик тех, кто раскладывает их покупки по пакетам.

– Я понимаю... понимаю... – проямлила Мэри. – Он позвонил. Вчера ночью. – Слова вырвались у нее, и теперь, в окружающем их пространстве, начали обретать пугающе реальную форму. Это было то, на что Мэри так надеялась и о чем так мечтала, но она все никак не могла избавиться от ощущения, что это какая-то травма вынудила его обратиться к ней. При мысли о том, что ему плохо, а она не может ему

помочь, внутри нее все сжималось.

– Мэри...

Дженет не надо было объяснять, о ком шла речь. Только о нем. Она заправила за ухо прядь вызывающе ярко-рыжих волос. На краску для волос была объявлена скидка.

– Я понимаю, это очень странно. За все это время не было ни звука – ни слова, ни открытки, ни письма – и теперь вот такое? – Подняв глаза, Мэри увидела скепсис во взгляде Дженет. – Я знаю, ты думаешь, я спятила. Может, так и есть. Я и так большую часть времени считаю, что схожу с ума, но не сейчас... Не сейчас, когда я снова услышала его голос. Дженет, честное слово, это был он. Я знаю. Он сказал, что я его *надежное место*. Джим всегда так говорил обо мне. Я просто хочу знать, что с ним все в порядке. Что он не в беде или... А что, если я ему нужна? Мне невыносимо...

– Да ну. Не накручивай себя. Давай начнем сначала, а? Мэри попыталась сдержать всхлипывание.

– С чего ты решила, что это он? Он сам так сказал? – Дженет понизила голос, словно говорила с ребенком, проснувшимся от ночного кошмара, который не в состоянии слышать ничего, кроме самых простых утешений.

– Это был его голос. Он соскучился по мне и нашел меня, потому что он сказал, что я всегда была тут, с ним, что я тот человек, который никогда от него не отступался.

– Это все было дома?

– Нет, в «НайтЛайне». Он, должно быть, знал, что я там –

ну, или как-то выяснил. Может, он был где-то рядом и увидел меня там, или... Я не знаю почему, но я *знаю*. Вот тут. – Мэри так стукнула себя в грудь, что Дженет испугалась, не останется ли там синяка.

Она взяла Мэри за руку и сжала ее между ладоней.

– Ладно, это ничего. – Вытащив из кармана салфетку, Дженет дала ее Мэри. – Смотри, лапуля, я не знаю, что тебе сказать. Я всегда знала, что у тебя есть голова на плечах, так что я и сейчас не буду в этом сомневаться. Мы поговорим завтра, а сейчас, думаю, тебе стоит пойти домой. Я напишу, что ты заболела – это ничего, нормально. Просто иди домой и ляг. И оставайся вечером дома, хорошо?

Мэри, прижав к глазам кулаки, чтобы сдержать слезы, предпочла проигнорировать этот вопрос.

– Спасибо. И прости меня за это.

– Ничего страшного – а для чего еще нужны друзья, а? – Дженет сжала плечо Мэри. – Ладно, мне надо бежать. Ты иди потихоньку... И, знаешь, не говори об этом никому, ладно? Мне тут еще только восстаний не хватало. А если кто спросит, скажи, у тебя просто мигрень. Сволочи они все.

Мэри старалась проводить в своей квартире как можно меньше времени. Своими размерами та больше напоминала комнату в общежитии, но это было лучшее, что она могла себе позволить. Там была кухня, она же гостиная, крошечная спальня и ванная с самым громким в мире краном. Она,

в общем, отвечала всем нуждам Мэри, притом что у нее все равно не было слишком много вещей, но иногда она смотрела на этот серый казенный ковролин, на потрепанные облезлые обои и думала, как же она оказалась здесь в свои сорок, когда ее тридцать казались такими многообещающими?

Мэри понимала, что после исчезновения Джима она могла винить в своей изоляции только саму себя. Мать время от времени звонила ей, но Мэри всякий раз говорила с ней легким радостным голосом и под любым предлогом уклонялась от ее визитов. Все три ее младших брата, ни с кем из которых она не была особо близка, уже завели собственных детей; и даже бывшая тусовщица Мойра, ее старинная подруга из Белфаста, была замужем, имела двоих детей и ждала третьего. Это само по себе было достаточным поводом для потери связи, но в глубине души Мэри знала – тот факт, что она не отвечает на звонки и смс, не прошел незамеченным.

У нее были знакомые в Лондоне – волонтеры в «НайтЛайне», Дженет, – но все они были в достаточной мере случайны. Это не значило, что ее не приглашали в разные места, но Мэри от всего отказывалась. Все равно большинство событий приходилось на вечер, а все знали, что в это время она будет на станции. Сначала они пытались уговорить ее пропустить день-другой. Дженет была особенно настойчива – она хотела, чтобы Мэри вообще прекратила эти вахты с табличкой.

В первое время Мэри была настороже. Кто Дженет такая,

чтобы говорить Мэри, как она должна справляться со своей потерей? Но со временем она поняла, что таким образом Дженет заботилась о ней. Однажды Мэри почти попыталась объяснить ей причины своей вахты. Для нее самой они всегда были очевидны – как рамки, поддерживающие само ее существование в отсутствие Джима. *Потому что мне нужно делать хоть что-то; потому что я обещала всегда быть его надежным местом, что бы ни случилось; потому что любовь – это не что иное, как терпение.* Но у нее сжалось горло, и она пробормотала ту же отговорку, которую всегда использовала, отбиваясь от подобных вопросов: *Всем надо как-то устроиваться.*

Теперь, захлопнув за собой входную дверь, Мэри направилась прямо в ванную, умыть распухшее лицо. Взглянув в зеркало, она с трудом узнала девушку, на которую сворачивали шеи по пятницам на Атриум-роуд, ту самую, что приворожила Джима на месте, похитила его сердце и направила по новому пути. Он всегда называл Мэри красавицей. Но одно дело – сказать это кому-то, а совсем другое – заставить его в это поверить. Всякий раз, как руки Джима замирали, когда он расстегивал ее платье, или он застревал гребнем в ее волосах, расчесывая их, она обретала еще немного уверенности в своей красоте.

При одной только мысли о его руках, бегущих по ее шее, ей стало больно от тоски. Она вышла в коридор, чтобы снова схватить свою сумку, но в спешке задела по пути шат-

кий шкафчик. Его содержимое вывалилось на пол – и среди прочего все записки, которые Джим написал ей, лежавшие в обувной коробке с краями, потрепанными от частых прикосновений.

Мэри опустилась на колени. Сейчас было совсем не время копаться в воспоминаниях. Джим позвонил ей, и, пока она не узнает, в чем дело, она должна нести свою вахту с удвоенной силой. Вообще-то она уже давно должна быть с табличкой на станции. Что, если он пришел туда, как в старые времена, после долгой смены, ожидая увидеть, что Мэри ждет его возле турникетов? Шансы на это были выше, чем всегда. И оказаться не первой, кто увидит – кто обнимет его, – было совершенно немыслимо.

Она сгребла рассыпавшиеся воспоминания, но глянцевые картинки и скользкие кусочки ламината вырывались из ее дрожащих пальцев. Джим обычно покупал все это, где бы он ни был, и в Англии, и за границей, надписывал их по возвращении и, пока Мэри спала, распахивал везде по дому, чтобы она отыскивала их. Тут были открытки с Мостовой гигантов, с каждым туристическим видом Лондона, одна с конференции в Сингапуре, одна из Вашингтона. Она перевернула открытку, лежащую сверху. Кажется, это из Бразилии.

Я видел Копакабану! Горы! И Центр конференций (как бы скучно это ни звучало). Короче, я объездил полмира и все же не нашел места, где предпочел бы оказаться вместо того, чтобы быть с тобой.

Мэри знала эти слова наизусть. Раньше, когда она не могла спать от тоски по Джиму, она приходила сюда и перечитывала все открытки по очереди, как будто, собранные вместе, они составляли сказку о счастливых временах, которая могла ее убаюкать. Но в последние годы она стала строже к себе. Она старалась заглядывать в коробку не чаще чем раз в неделю, и только тогда, когда волновалась, что может забыть какую-нибудь из его фраз.

– Где же ты, Джим? – пробормотала она, проводя пальцем по его подписи.

Она не знала, сколько просидела так, в забытии, утонувшая в воспоминаниях о его теплой ладони на своих встречанных спросонья волосах, о робкой улыбке и подмигивании, когда он видел, что она нашла одно из его посланий. Наконец она поднесла открытку к губам и положила обратно до того, как руки откажутся расставаться с ней. Уборка подождет. Она вскочила и с новообретенной энергией выбежала за дверь, таща за собой рюкзак.

Уже семь лет в ежедневной рутине Мэри не было никаких перемен. Она молилась об открытке, об смс, об анонимном имейле – *о чем угодно*, говорящем о том, что Джим в порядке. Но тщетно. Казалось, что о звонке можно даже не мечтать, особенно если учесть, что Джим не любил телефон. И то, что он был очень скрытным, тоже не помогало. Так

что, если он теперь дал знать о себе таким образом... Это же крик о помощи, верно? Это должно быть так. Мэри на секунду крепко зажмурилась, стараясь отогнать всплеск надежды, что вчерашний ночной звонок может означать возвращение Джима домой. Если желать слишком много, не получишь ничего.

Она услышала станцию до того, как увидела ее. Собственно, когда в ее поле зрения попал сам ярко-голубой фасад, было невозможно разглядеть, что творится у входа, из-за скопившейся плотной толпы пассажиров. Должно быть, какая-то проблема на линии, потому что, похоже, никто не мог пройти за ряд турникетов, а несколько поднятых рук с телефонами пытались снять на видео хаос на станции, чтобы объяснить своим близким, почему они задержались.

Господи, вот только этого ей не хватало именно сегодня. Мэри ничего не видела сквозь море толпящихся тел, как же кто-то сможет заметить ее саму? А если Джим приедет... *Ну, хотя бы он будет знать, что она попыталась*, подумала Мэри, торопясь перейти дорогу. Пришло время вступить в борьбу.

Неудивительно, что никто не был счастлив получить локтем в бок от широкоплечей женщины, бормочущей извинения на ходу. Мэри, в общем, привыкла к определенному количеству направленного на нее раздражения за то, что смела занимать место в общественном пространстве станции, но сегодня все было совсем плохо, ну, или ей так казалось –

тычки и толчки со всех сторон, ругань, злобные взгляды. Но она не сдавалась – сегодня на кону стояло слишком многое. После заметных усилий она добралась до своего места, утерла пот со лба и несколько раз глубоко вздохнула. Толпа стискивала ее со всех сторон. Обычно она не страдала от клаустрофобии, но теперь начинала ощущать нечто подобное.

Вдруг началась суeta. Тела со всех сторон от Мэри потянулись вперед. Она завертела головой, пытаясь понять, что происходит. Похоже, на станции открылись двери поезда, но турникеты все еще были закрыты. *Уййй!* Зачем открывать эти двери, если толпе некуда деваться? Все это только усугубило давку.

Мэри велела себе не обращать внимания на хаос и заниматься своим делом. Но как? Во всей этой тесноте и давке вокруг даже вытащить табличку из рюкзака было непросто. Она чувствовала, как пот стекает у нее по спине и по лбу. Еще хуже, что ее пальцы тоже были потными. Они скользили по табличке. Но ее нельзя уронить. Все эти нетерпеливые бесчувственные ноги тут же раздавят ее.

Она впиалась в табличку ногтями. Лучше уж повредить картонку, чем совсем ее потерять. Надежно ухватив, она дрожащими руками подняла табличку на обычную высоту. Даже чтобы просто удержать ее, надо было изо всех сил прижимать руки к бокам. Но люди все равно считали, что она занимает слишком много места. *О боже!* пробурчал кто-то.

Нашла время, раздался крик так близко от Мэри, что она ощутила брызги слюны у себя на щеке. *ОТВАЛИ С ДОРОГИ.*

Какая-то ее часть хотела так и поступить – уйти с их дороги, вернуться в квартиру, подальше от этого жуткого торнадо толпы. Тесноты, жары, шума. Это было слишком. Все это было слишком. Но тут мысль о Джиме, о прошлой ночи, о его звонке снова пришла к ней. *Ты никогда от меня не отступалась.* Ну что ж, она и теперь не отступится. Она распрямила спину, и тут ей под ребра ударил локоть. Ее тоска мгновенно сменилась яростью. Выпустив табличку из одной руки, она вцепилась в задевшую ее руку.

– Ради всего святого, дайте же мне вздохнуть, черт побери!

Голос Мэри прозвучал втрое громче обычного, и все вокруг стихло. Но она не поняла этого, потому что у нее звенело в ушах, пространство вокруг вращалось, а вспышки белого света, мелькавшие перед глазами, сменялись красным мигающим огоньком телефонной камеры, снимающей все это на видео.

Вот так Мэри О’Коннор и стала сенсацией Интернета.

Мэри сжала вместе босые ноги и сняла со своей джинсовой юбки нитку, следы неудачной утренней работы над своей последней лоскутной картой. На скамейке справа от нее стояла упаковка пива на четыре бутылки и большой пакет хрустящих чипсов. Не слишком ли это запросто для второго свидания? Между тем, чтобы показаться небрежной, и тем, чтобы случайно разрушить всю романтику, такая тонкая грань. Но Мэри запаниковала в магазине, выбирая вино – а вдруг к этой бутылке понадобится еще и штопор, – и схватила первое, что попало под руку. А теперь уже было поздно; Джеймс ехал к ней на такси из городского аэропорта, и у нее не было времени побежать обратно и попытаться вернуть свои покупки.

Второе свидание – очень волнительная штука, и нервы Мэри ощущали это на всю катушку. Тогда, две недели назад, то утро после предыдущей ночи тоже принесло свои испытания (отсутствие сменной одежды, нечем привести себя в порядок), но там, с Джеймсом, все было так естественно, а потом ему надо было бежать, чтобы успеть на самолет. Он взял у нее номер телефона, поцеловал на прощание, и тут же, она еще даже не успела выйти из номера, прислал сообщение.

Серьезно – я хочу снова увидеть тебя. До скорого. Дж. х

На следующий день он позвонил и, не рассыпаясь в долгих любезностях, сказал, что купил билет в Белфаст, через одну субботу. *Я же сказал – до скорого, верно? Ты будешь свободна? Не заставляй мужчину умолять, Мэри. В тебе еще осталось столько загадок.* От одного звука его голоса Мэри ощутила слабость во всем теле. Она тут же велела себе собраться. Ничто так не отталкивает мужчин, как неспособность справляться со своими эмоциями. *Да, я буду свободна,* сумела ответить она перед тем, как повесить трубку и с визгом зарыться в подушку.

Мойра с радостью согласилась подменить ее, хотя, точно гончая, вынюхивала возбуждение в голосе Мэри. Как она ни пыталась его скрыть, Мойра все равно догадалась и страшно изумилась: *Как, ты – и с парнем? Ты в порядке вообще?* Как будто Мэри нуждалась в напоминаниях, что она, отринув свои вольные годы без привязанностей и симпатий, напрямик устремилась в средний возраст.

Но под восторгами пряталось и чувство вины. С тех пор как Да пять лет назад бросил работу, потому что у него в легких нашли несколько опухолей, Мэри всегда ужасно себя чувствовала, уходя из дома больше чем на час. Вдруг что-нибудь случится, а ее не окажется рядом? Но Джеймс приезжает только на два дня, и они не будут уезжать далеко от дома. Мэри никогда не забывала о своих обязанностях – дочери, сестры, друга, – но сейчас, впервые за всю свою жизнь, она

начала надеяться, что может обрести какую-то свою жизнь за их пределами.

– Вот это зрелище для усталых глаз.

Сердце Мэри забилося. Она не думала, что он приедет так быстро, но он определенно был здесь – такой же красивый, каким она запомнила его под лучами летнего солнца, с кожаной сумкой, брошенной на плечо. Он бросил ее к ногам Мэри, и она поднялась поцеловать его. Вот он – шанс проверить, что искра не исчезла.

Джеймс, во всем легкий, склонился к ней. На его нижней губе была трещинка, и Мэри почувствовала ее шероховатость своими губами. Она провела руками по завиткам волос на его шее и теснее притянула его к себе, вдыхая его запах – дымный, с легким оттенком сосны. Опьяняюще. Его язык скользнул по ее языку. Мэри почувствовала, как химия между ними подымает ее над парком, над ней самой, волшебным, но совершенно неприемлемым в общественном пространстве образом.

Она отстранилась.

– Ну, добро пожаловать в Парк Виктории.

Но Джеймс совершенно не смотрел по сторонам, он сел на дальнем конце скамьи и положил одну руку на спинку так, чтобы смотреть прямо на Мэри.

– Ты выглядишь потрясающе.

– О, ээ, да... спасибо. – Мэри никогда не умела получать комплименты. Она выбрала изумрудно-зеленую шелковую

блузку с короткими рукавами и оборками вокруг шеи, самую женственную из того, что могла себе позволить. Вырез на ней был слишком рискованным, чтобы ходить на работу, но вот, кажется, он наконец обрел благодарного зрителя. – Как твои дела?

– Как обычно. Был занят. Всеми возможными жалобами на ухо, горло и нос.

Мэри открыла рот, чтобы спросить еще что-нибудь о его профессиональной жизни, но Джеймс перебил ее.

– Работа – последнее, о чем хочется говорить. – Он приподнял бровь, и Мэри взмолилась, чтобы ему не вздумалось обсуждать ее поведение в прошлые выходные. – Скажи, чем бы тебе хотелось заниматься вместо этого?

– То есть?

– Ну, конечный результат. Тот, о котором мечтаешь, пока занимаешься реальной работой. Мне всегда кажется, это очень о многом говорит.

– Я не знаю.

Никто никогда не задавал Мэри таких вопросов. Как будто Джеймс мог смотреть ей в самое сердце; она почувствовала это тогда, над тарелкой с кусками курицы, а сейчас ощущала еще сильнее. Может быть, он знал, невзирая на ее слова, что у нее все-таки был ответ. Но она никогда никому о нем не говорила. При том, что происходило вокруг, это было неважно и нерелевантно. Но впервые с того момента, как Да поставили диагноз, Мэри почувствовала, что рядом

с Джеймсом может смотреть в будущее. Он спросил, потому что хотел это знать, ему было важно.

– Знаешь. Ну же? Иначе откуда этот румянец?

Глубоко вздохнув, Мэри слегка отвернулась, так чтобы видеть его реакцию только боковым зрением.

– Я бы хотела стать художником. Художником по ткани. Я делаю такие карты. – Мэри вытащила из кармана телефон, открыла фотографии и нашла там галерею картинок, которые никогда никому не показывала. Теперь же, сказав это вслух, она должна была доказать, что все это больше, чем просто каприз.

Минуту или две Джеймс молчал. Мэри смотрела, как он перебирает картинки. У нее не было настоящей камеры, и она делала все фотографии своим «самсунгом» со слабым разрешением.

– Мэри, это потрясающе. Ты берешь заказы?

– Скорее нет. Я просто делаю их в подарок. Только своим, в семье, больше никому.

– Но ты можешь зарабатывать этим деньги. Много денег, продавая их нужным людям. Ты можешь начать свой бизнес, у тебя будет много заказов...

– Эй, эй, мне кажется, ты как-то слегка увлекся.

– Я не буду настаивать – пока. Садись сюда.

– Что?

– Вот сюда. Раз уж я завладел твоим телефоном, то, я уверен, что ты хочешь, чтобы мы сфотографировались вместе.

Чтобы распечатать, повесить на стенку...

– Да, конечно, в рамке из сердечек.

Джеймс ухмыльнулся.

– Садись сюда. – Он обхватил ее рукой за талию. Камера вспыхнула. Мэри поторопилась отодвинуться, чтобы не слишком уж привыкать к его руке на своем теле.

– Как, уже? – Его лицо все еще оставалось сантиметрах в двадцати от ее лица.

– Чтобы ты не устроил ничего такого.

Джеймс облизнул нижнюю губу.

– Зануда. – Он поцеловал ее в щеку. – Итак, карты – это великий план. А что привело тебя в отель?

– Я всегда там работала. – Мэри пожалала плечами, и это вышло небрежнее, чем она рассчитывала. Не больно-то вдохновляюще, да? Организовывать праздники для других, и потом за ними убирать. – Я начала подрабатывать там с шестнадцати. А когда закончила школу, стала работать на всю катушку.

– Пожизненно?

– Типа того.

Мэри думала, что почувствует осуждение. В конце концов, Джеймс был из состоятельной семьи. Чтобы понять это, не нужно иметь ученую степень. По большому счету, может быть, он не был уж настолько богат. Но все равно было ясно, что он жил в совершенно другом мире. Говорил на совершенно другом языке. Для Мэри все это значило – не вол-

новаться о том, что зарплаты может не хватить до конца месяца или что какие-нибудь неожиданные расходы внезапно погребут всю семью. Ей хотелось бы обидеться на Джеймса за его относительное богатство – за то, что оно может купить ему столько свободы, – но у нее почему-то не получалось.

– Мой папа болеет, – добавила она.

– Мне очень жаль.

Она понятия не имела, зачем это лягнула. Это прозвучало так нелепо, так странно – этот прогноз, рассеивающий свои ужасные семена в воздухе среди парашютиков одуванчика.

– Извини. Я не знаю, зачем это сказала. Я не хочу, чтобы ты меня жалел.

– Не волнуйся – я не буду. Я же вижу – ты сильная.

Мэри слегка приподняла в полуулыбке губы.

– Если хочешь, можешь рассказать мне об этом. А если не хочешь, можем поговорить о чем-нибудь другом. Например, о карте, которую ты мне сделаешь.

И тут Мэри, не выдержав, излила душу. Ей так нравилось, что Джеймс не перебивал, что дал ей выплакаться и высказать все то, в чем она так боялась признаться даже самой себе: что она любит свою семью, но иногда ей кажется, что она живет в этом доме с тремя подрастающими братьями, как в западне, а лучшие годы ее жизни проходят мимо. Что она не может представить себе, как будет без папы, но не знает, насколько еще хватит маминых сил ухаживать за ним. Плача, Мэри не думала о том, как выглядит ее лицо, о том, что

вся косметика расплылась. Она приняла и салфетку, которую предложил Джеймс, и плечо, чтобы выговориться в него.

– Ему повезло, что у него есть ты. Им всем повезло.

Мимо прошла кучка подростков, с лицами, скрытыми под капюшонами. У одного был магнитофон, каких Мэри не видела много лет, да и то только у старьевщиков в Ньютонарде. Когда шум вдалеке затих, они снова оказались наедине. Она предложила Джеймсу еще бутылку пива, третью. Тогда она не выпьет ее сама и не будет вести себя как идиотка.

– Ну, а ты – какой у тебя главный план? Раз уж я рассказала о своем, – спросила она.

– Боюсь, у меня его нет.

– Херня!

Джеймс взглянул на нее, заметно удивленный. В Мэри всегда присутствовала вспыльчивость, но большую часть жизни она старательно подавляла ее, стремясь, чтобы все вокруг были счастливы. У Джеймса была какая-то способность раскрывать резкие черты ее личности. И она наслаждалась возможностью дать им выход.

– Клянусь, офицер! Я не обманываю. По крайней мере, ничего похожего на твои карты.

– Совсем ничего?

– Ну, я знаю, что не хочу заниматься тем, чем занимаюсь.

– Медициной?

Джеймс кивнул.

– Все не так просто. Но уж что есть. Мне нравится по-

могать людям. Но моя работа по большей части состоит не в этом. Сплошной бардак, возня с бумагами и боль. Но все равно – я не думаю, что мог бы все это бросить. Мне тридцать шесть, как-то поздновато для смены работы.

Мэри думала, сколько ему лет, но пока не могла придумать вежливый способ узнать об этом. Значит, он старше ее на девять лет – не то чтобы это была проблема. Она всегда ощущала себя старше своих лет. Значит ли это, что Джеймс собирается покончить с холостой жизнью, или же стоит волноваться, почему он до сих пор свободен? Лучше пока не спрашивать, решила она.

– Тебе не нравится в Лондоне?

– И никогда не нравилось, – ответил Джеймс, пожимая плечами. – Но там живут родители. И теперь еще работа. Если бы я мог, я бы уехал куда-нибудь в поля – пара больших собак, небольшое стадо овец, и я был бы счастлив. Думаешь, мне бы подошло? – Прежде чем Мэри успела ответить, Джеймс изобразил то, что, как она думала, должно было быть западным акцентом. – Фермер Джим.

Эта идея была настолько нелепой – настолько неподходящей человеку в отутюженной рубашке и пиджаке, сидящему перед ней, – что Мэри не могла удержаться от смеха. Она согнулась пополам, и ее лицо оказалось в неподобающей близости от его ширинки.

– Тише, тише – что, вот так ужасно, да?

– Очень, Джим.

Мэри выпрямилась, готовая снова поцеловать его. Она никогда не думала, что взаимный рассказ о своих слабостях может высекать такие искры – до такой степени. Внезапно она подумала, что есть одно место, которое она должна показать ему – и должна сделать это прямо сейчас, пока ощущение близости еще свежо и сильно.

– Давай пойдем отсюда.

Еще не темнело, но августовский воздух был прохладным. Когда они дошли до ворот парка, Мэри дрожала. Она знала, что должна была надеть что-то более существенное, чем прозрачная блузка, особенно если они собирались потом спуститься к реке Лаган.

– Тебе не холодно? – Джим обнимал Мэри за плечи, и он, несомненно, почувствовал, что она дрожит. – Погоди-ка. – Он повернул ее к себе. – Да ты заоченела – почему ты не сказала? – Он снял с себя пиджак. Встав позади Мэри, он подождал, чтобы она вдела в него руки. В грудном кармане было что-то квадратное и жесткое – фляжка или какая-то коробочка. – А тебе идет.

Мэри повела его вниз, подальше от Уотерфронт-холла с его толпами, туда, где уже кончалась застройка и стояла прибрежная тишина. Когда они отошли достаточно далеко от городского шума, она пролезла под металлический барьер, оберегавший подвыпивших пешеходов от падения в воду. В покрытии набережной был выцарапан острым осколком кремня небольшой крестик, посверкивающий в лучах захо-

дящего солнца, – след многих часов, проведенных ею здесь в одиночестве.

Это место Мэри не показывала никому. Ни маме, ни Мойре. И уж точно не Дину во время восемнадцати месяцев их неудачных отношений. Он бы заглушал звуки волн своей непрерывной болтовней – глупая чайка в кроссовках и толстовке с капюшоном, напяленной второпях перед тем, как идти на свою смену на бензоколонке. Нет. Это место было только ее. Она приходила сюда думать и мечтать, особенно когда мир вокруг становился слишком уж интенсивным в своих нуждах, потребностях и привязках.

Мэри решила не думать слишком много о важности того обстоятельства, что она привела сюда Джима. Она лишь понимала, что это было правильно, а с самого момента их встречи доверие инстинктам вознаграждалось сполна.

Она села спиной к городу, свесив ноги над двухметровым провалом вниз, и предложила Джиму сделать то же самое. Он сел рядом, так что их плечи соприкасались. Касание было легчайшим, но отдалось по всему ее телу. Она повернулась поцеловать его, и то, что должно было стать лишь чмоканием, стало расти и становиться все глубже, все настойчивей, настолько, что она заставила себя отстраниться, пока все это не переросло в оскорбление общественных нравов. Кто знает, сколько времени успело пройти и кто мог их тут увидеть? Будет ужасно, если сосед или кто-то с работы застучает ее вот так, на горячем.

Джим обнял Мэри за талию.

– Хорошее место. Да и компания подобралась неплохая.

– Да ты затейник.

– Только с тобой.

– Вот уж сомневаюсь.

– Почему это?

Он сам напросился.

– Потому что ты всем девушкам так говоришь.

– Каким еще девушкам?

– Ну, тем, что у тебя в Лондоне.

– Ах, ну да. Мой гарем. Надеюсь, их там кто-нибудь по-кормит.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– А ты знаешь, что мне нужна единственная женщина.

У Мэри дыхание замерло.

– Так что, когда ты приедешь? – спросил Джим.

– В Лондон?

– Ну а куда же еще?

Мэри не смотрела на него. Что тут было сказать? Она не могла себе это позволить, даже если копила бы много месяцев. И, кроме того, деньги нужны были семье. До нее внезапно дошло, что все это было только мечтой – глупой, счастливой мечтой. Двухнедельная мечта, которая украсила ее жизнь и должна была покинуть ее, так же, как все постояльцы их отеля, как те, кто пускал корни в ее сердце.

– Значит, через две недели. Я закажу билет.

Мэри повернулась к нему, собираясь возразить.

Джим целовал ее до тех пор, пока отзвук этих возражений не уплыл далеко-далеко, до самого моря.

Ни Джим, ни Мэри не просыпались до тех пор, пока в дверь не постучала служба уборки. Мэри бросила взгляд на дубовый стол в углу комнаты, на брошенную на него сумку, на крахмальную белую простынь, прикрывающую ее грудь. Это определенно не была кровать у нее дома. В хозяйстве О’Конноров не водилось таких толстых одеял. *Это «Стормонт». И их второе свидание.*

Ничего удивительного, что оно закончилось здесь. Там, в ее месте возле Лаган, они вели себя как подростки. Он запустил руку в вырез ее блузки, а она свою... ну, в общем, это неподходящие мысли для утра воскресенья, все-таки святой день. Мэри поверить не могла, что могла вести себя так, так... *развратно*, да еще в общественном месте. И, как бы она ни осудила кого угодно другого, кто устроил бы такое, рядом с Джимом она не могла совладать с собой. Она знала его всего три недели, встречалась с ним дважды, и уже понимала, что все, что она думала о себе – да обо всем мире в целом, – начало вращаться вокруг своей оси.

Раздался новый стук в дверь, громче.

– Черт!

– Что такое? – Лежащий на животе Джим на пару санти-

метров приподнял голову над подушкой.

Новый стук, сопровождаемый покашливанием и фразой, которую Мэри не смогла бы разобрать даже ради спасения жизни. Она начала рыться вокруг в поисках своей блузки, его рубашки, да хоть чего-нибудь, чтобы сохранить видимость приличий и избежать того, чтобы ее коллеги обнаружили при уборке больше, чем рассчитывали. Но под руку ничего не попадалось. Она заметила свой кружевной лифчик, свисающий с карниза на окне – слишком высоко, чтобы достать. Господи, чем они тут занимались? Сдавшись, она нырнула обратно в постель и накрылась с головой простыней.

– Ладно, ладно. – Джим выбрался из кровати, сунул ноги в штаны, которые схватил со спинки стула, и приоткрыл дверь. – Сколько стоит поздний выезд?

Мэри не услышала ответа, но знала, что заплатить придется немало. Отель зарабатывал неплохие деньги на ленивцах, которые не выполняли правил. Она вообще не помнила, когда оставалась в постели так поздно.

– Тогда я заплачу потом внизу. Спасибо, вы были очень любезны.

Она могла только представить себе, какой улыбкой он одалил их и какой это имело эффект.

Джим запер дверь и вернулся в постель. Сорвав с Мэри простыню, он просунул руку ей между бедер.

– Тебе из-за меня стыдно, да?

– Мне больше стыдно, что мы до сих пор в постели. – Мэ-

ри старалась игнорировать движение пальцев по своей коже. Как Джеймс может быть с утра таким энергичным? Все это пиво в парке, да еще пара в той забегаловке, куда они зашли поужинать. Хотелось бы ей так хорошо себя чувствовать с похмелья. – Поздний выезд – это недешево.

– Это мои проблемы.

– Всегда ты так.

– Ты недовольна? Ты же знаешь, для меня все это серьезно. – Джим поджал губы, изображая торжественную серьезность.

Мэри только надеялась, что с пациентами ему это удастся лучше.

– Но я тоже хочу принять участие в расходах. За это... за номер.

Со всеми пропущенными сменами дела в этом месяце будут потуже, чем обычно, но она что-нибудь придумает. В конце концов, если надо, возьмет небольшой кредит.

– Хорошо. Я оценил. Но хотя бы в этот раз можно я сам за все заплачу? И за наши выходные в Лондоне. И, может, кое за что еще... – Джим начал целовать сначала выбившиеся пряди ее волос, потом все ниже, шею, грудь.

Все это не казалось Мэри правильным или, вернее, обычно показалось бы совсем не правильным. Но почему-то здесь, с Джимом, вообще не требовалось никаких обязательств. Ни от него, ни от нее.

Джим обвел языком ее сосок и слегка прикусил его. В кон-

це концов, может быть, поздний выезд все же стоил своих денег.

Мэри быстро написала Мойре, уточняя, что интересного может быть в Белфасте воскресным утром. Судя по удовольствию, с каким Джим уминал фиш-энд-чипс прошлым вечером, Мэри предположила, что он любитель поесть. Выпившись из отеля, она решила, что оставшиеся до самолета часы они могут провести на рынке Сент-Джордж.

От прошлой ночи у Джима разыгрался волчий аппетит. Он покупал что-то со всех прилавков, где торговали едой, – больше чем мог удержать даже в своих больших ручищах. Он постоянно предлагал Мэри откусить от каждой булки, попробовать из каждой коробочки, кормил ее со своей вилки. В конце концов она начала думать, не был ли он из тех мужчин, о которых Мойра читала в журналах и которых возбуждает сам процесс кормления женщины. Но Мэри решила, что это она переживает.

Сидя на длинной скамейке для пикников, где люди со всех сторон поглощали свой поздний завтрак, Мэри заметила, что сейчас, рядом с Джимом, то место, где она бывала раньше сотни раз, виделось ей совершенно в другом свете. Даже черепица на крыше и камни под ногами казались новыми. Крики продавцов звучали особенно четко. По контрасту, со всеми остальными аспектами общества Джима Мэри чувствовала себя слегка пьяной, а от уверенности, что это чувство

взаимно, кружилась голова. Первый раз в жизни она ощущала свободу от всех своих тревог, ожиданий и обязательств. В кои-то веки она жила.

Гуляя, они говорили обо всем и ни о чем. У Мэри был неисчерпаемый поток вопросов, но ей не удалось задать даже десятую часть; Джим все время расспрашивал ее о ней самой и, более того, не удовлетворялся вежливыми поверхностными ответами. Мэри никогда не считала себя какой-то особенной. До момента, когда в ее жизнь вошел Джим. Его интерес был неподдельным. Ему казалось, что в ней есть твердость, разум и огонь. И чем дольше она находилась в его компании, тем больше сама начинала видеть все это в себе.

Они дошли до старой верфи, теперь уже наполовину занятой новыми постройками. Оба щурились от солнечных лучей, отражавшихся от поверхностей судов.

– Где-то здесь строили «Титаник», – сказала Мэри.

– Где-то здесь... – Джим притянул ее к себе так, что ее спина оказалась прижата к его груди. Она заставила себя не думать, как она выглядит там, под этой его очередной странной рубашкой без воротника. – Очень точно. – Он сложил большие и указательные пальцы обеих рук так, чтобы получилась рамка, и поднес ее к левому глазу Мэри, как видоискатель. – Ну-ка, давай уточним, где это *где-то здесь*.

– Да ну тебя! – Мэри вырвалась.

Она исподтишка взглянула на часы на его руке, обнимавшей ее плечи. Ему уже скоро ехать. При одной мысли об этом

заныло сердце.

– Вопрос на миллион долларов. – Джим поцеловал ее за ухом, и в этот момент она внезапно подумала, что с легкостью выписала бы чек на эту сумму, если бы за него можно было бы купить еще один день и провести его вместе, вот здесь, на солнышке. – Ты веришь, что я отдал бы тебе последнее место на спасательной шлюпке?

Да, подумала Мэри. Да, да, да. Она поставила бы на это собственную жизнь. Но переделать саму себя не могла. У них было два свидания; три, если считать дни отдельно. Этого, пожалуй, все же маловато.

– Посмотрим, – ответила она. – Может, ты еще вовсе не тот, каким притворяешься.

ДАЙТЕ ЖЕ МНЕ ВЗДОХНУТЬ, ЧЕРТ ПОБЕРИ!

Слова раздались над набитой народом станцией. Все замерли. Все уставились туда. Как будто сотни раздраженных пассажиров одновременно сделали общий вдох и теперь ждали команды одной женщины, чтобы выдохнуть. Кто бы она ни была, вся толпа, без сомнений, была подвластна ее заклинанию.

Элис Китон трудно было вывести из себя, но сейчас это случилось. Она привстала на цыпочки, пытаясь определить источник звука. Голос был женским, с легким ирландским акцентом. И в нем было пламя. Отчего? Ярость? Боль? По опыту Элис могла предположить, что и то и другое. Так реагировать, в публичном месте... Она должна быть в отчаянии. Элис даже не могла вспомнить, чтобы кто-нибудь пытался *разговаривать* в лондонском транспорте, не говоря уж о том, чтобы кричать.

Но все было бесполезно. Будучи чуть выше полутора метров, Элис ничего не видела за спиной стоящего впереди человека. Голос, эта женщина – остались тайной. Прежде чем Элис успела снова коснуться пола пятками своих балеток, нетерпеливое давление толпы возобновилось. Ее понесло в

сторону турникетов, которые наконец открылись, и к ожидавшему поезду.

Элис взмахнула правой рукой, как велосипедист на повороте. Она была не просто пассажиром, она тут по делу! Она и так уже опоздала на встречу с управляющим станцией. Чем быстрее она встретится с Нейлом, тем быстрее сможет освободиться и провести вечер, как и положено уважающей себя двадцатилетней даме (на диване, лицом вниз, с большим бокалом вина), а не в поисках очередной бессмысленной статьи.

Нейл Блум был самым старым сотрудником метро, и в этом качестве был выбран для интервью в ежемесячном выпуске колонки «Мой Илинг», которая располагалась на задней странице «Горна».

Поскольку Элис была там самым младшим репортером, ее задачей было разыскать его, уговорить дать интервью и записать его ответы на животрепещущие вопросы типа «Ваше любимое место для прогулок с собакой?» и «Лучший кофе в окрестности?».

Элис начала работать в «Горне Илинга» сразу после университета. После месячной практики ей предложили место, и она не упустила этой возможности. Всем известно, что работа такого рода для начинающих в журналистике подобна гигантской панде в дикой природе – исчезающе редка. Но новизна довольно быстро пообтрепалась. Самой захватывающей статьей в ее портфолио было описание подкововерных

интриг в местном женском комитете. Когда пару недель назад она вставляла этот шедевр в свое CV³, ее захлестнуло очередной волной сомнения. Если ее главным профессиональным достижением стало расследование похищения рецепта джема у тетеньки за семьдесят, то что-то с ее жизненными планами пошло не так. И даже *сильно* не так.

Но журналистика все равно оставалась единственной профессией, которой Элис хотелось заниматься со своих подростковых лет, подумала она с грустью. Четырнадцатилетней Элис казалось, что все журналисты обладают намерением, возможностью и упорством в поисках истины. Там, где власти не хотят или не могут ничего сделать, вступают в бой репортеры. Там, где вопросы, оставшиеся без ответа, были преданы забвению, журналисты связывают оборванные нити и людские судьбы. Элис мечтала написать что-то значимое. Она хотела, чтобы ее карьера была исполнена смысла. Так как же она очутилась здесь, по дороге на интервью с самой унылой на свете знаменитостью районного масштаба?

Толпа вокруг Элис поредела уже настолько, что она могла как следует разглядеть вестибюль станции. Люди сновали через турникеты туда и сюда, напрочь позабыв о сцене, разыгравшейся несколько минут назад. *Дайте же мне вдохнуть, черт побери!* Эти слова все еще звенели в ушах Элис, и она потрясла головой, стараясь обрести ментальное спокойствие перед встречей с Нейлом. Справа от себя она увидела экран

---

³ Curriculum vitae (*лат.*), или сокр. CV – автобиография, резюме.

из плексигласа, отделяющий диспетчерскую станции Илинг Бродвей. Нейл уже должен был там быть.

И она тоже. Если бы не то, что или, вернее, *кого* она заметила в дальнем конце станции.

Там стояла одинокая женщина, слегка покачиваясь, как последняя кегля, оставшаяся на дорожке боулинга. И Элис совершенно ясно, без всяких сомнений, поняла, что это *она*, та самая, которая несколько минут назад подчинила себе всю станцию.

Ей было, наверное, уже за тридцать – высокая, плечистая, в черных нейлоновых брюках и бордовой кофте, которая не сочеталась с желтой майкой поло. Все это казалось совершенно обыкновенным, пока Элис не увидела ее лица. И *это* был контраст. Женщина была потрясающей – другого слова было не подобрать. У нее были огромные зеленые глаза, и скулы, словно сошедшие со страниц модного журнала; ее губы выглядели так, как будто на них был перманентный макияж.

Взгляд Элис упал на руки женщины, и она прочитала табличку: «ДЖИМ, ВЕРНИСЬ ДОМОЙ». Кто бы мог подумать, что за тремя короткими словами может скрываться столько тоски, столько боли? У Элис в груди что-то лопнуло. Все мысли про интервью вылетели из головы. Она должна сказать этой женщине хотя бы что-нибудь. Просто должна. Да, это была эмпатия. Но это выходило за пределы простой человеческой доброты. Это было понимание. Элис знала, что

это такое, когда тебя бросили.

– Привет. Я хотела узнать, с вами все в порядке?

Женщина опустила табличку и обернулась на голос. Между ними было сантиметров тридцать разницы в росте, и Элис показалось, что та пристально изучает ее макушку. Она разгладила руками свою стрижку каре длиной до подбородка и провела пальцем под обоими глазами, чтобы убедиться в отсутствии размазанных потеков туши.

– Ээ... Да. Вернее нет. Сама не знаю, что это на меня нашло.

– Может, нам стоит где-то присесть... выпить?

Элис обернулась на диспетчерскую. Внутри не было никаких признаков жизни. Это все решило – к чертям интервью! Завтра она напишет Нейлу и извинится. Скажет, создалась непредвиденная ситуация. И это даже не будет таким уж враньем.

– Нет, честное слово, не задерживайтесь. Со мной все нормально, – женщина попыталась поднять свой плакатик на пару сантиметров повыше, но было видно, как дрожат ее руки.

– Но мне хотелось бы.

Элис просто не могла оставить ее в таком состоянии. Она сейчас рухнет, и очевидно, что всем вокруг на это просто плевать.

– Я должна...

Женщина осеклась, как будто ей не хватало сил закончить собственную фразу. Это послужило для Элис доказатель-

ством собственной правоты – она должна вынудить незнакомку оставить свой пост. Ей нужно сесть. Это было очевидно.

– Я настаиваю, – Элис смотрела, как на лице женщины проступило колебание. – Вам надо позаботиться о себе, или мне придется сделать это за вас. – Последние слова были шуткой, но почему-то по лицу женщины пробежала гримаса боли. Элис положила руку ей на локоть. – Ну пожалуйста, ради меня?

– Хорошо, – наконец согласилась та. – Но только очень ненадолго.

Приглашение Элис было непродуманным. Известные ей кафе поблизости были уже закрыты, а леди с табличкой по виду была не из тех, кто будет пить прямо из бутылки. Она казалась очень сдержанной – что еще больше подчеркивало ее вспышку. Она уже успела подколоть несколько выбившихся прядей волос, упавших на безупречное лицо. Элис просто поверить не могла, что для того, чтобы заметить такую женщину, потребовалась сцена, но да, люди, как правило, в основном погружены в собственные мысли.

Как и сама Элис, которая была так увлечена разглядыванием своей спутницы, что не заметила, как привела ее в ближайший паб. Оставалось лишь надеяться, что крепкие напитки не оскорбят чувств женщины.

– Что вам заказать? – спросила Элис.

В будний день в пабе было немного народа, но постоян-

ные посетители, затаившиеся по углам или взгромоздившиеся на барные стулья, все же бросили в их сторону несколько взглядов.

– Мне, пожалуйста, колу, – женщина протянула пятерку, но Элис наотрез отказалась. – Тогда я займу нам место. Может, снаружи что-нибудь есть.

Раздобыв напитки, Элис проследовала за своей спутницей в сад. Там было душно, и она первым делом поставила с подноса на стол стаканы с ледяной водой.

– Между прочим, я Элис.

– Мэри.

– Приятно познакомиться, Мэри. Жаль, ээ... что это произошло не в лучших обстоятельствах.

Элис надеялась, что Мэри клюнет на приманку и как-то объяснится. Ничего подобного. Поболтав в стакане соломинкой, она кивнула.

– Спасибо вам за все.

– Не за что. От того, что вы делаете, очень хочется пить.

На сей раз намек был более прямым. Таблички не было видно, и Элис решила, что Мэри успела куда-то ее убрать. Мэри молча пила и смотрела на доски стола. Похоже, она была крепкий орешек, но любопытство Элис продолжало брать свое.

– Что же случилось?

Мэри все еще не поднимала глаз от стола.

– Неделя выдалась непростой, – наконец сказала она.

– Вы не хотите об этом поговорить?

Элис даже не ожидала ответа. Она знала, как трудно бывает открыться, даже в лучшие времена, даже самым участливым людям. Было непохоже, что ей удастся проникнуть в защищенную крепость частной жизни Мэри, как бы ей ни хотелось дать той понять, что она не одинока.

Думая, что они сейчас разойдутся, Элис залпом выпила половину своего стакана. И когда Мэри вдруг ответила ей, это было так неожиданно, что она чуть не подавилась своим джином.

– Вчера был звонок. От Джима.

Элис потребовалась пара секунд, чтобы осознать. Она уставилась на Мэри, которая теперь смотрела ей прямо в глаза. Элис показалось, что эти слова вырвались у нее прежде, чем она смогла их остановить, и она тут же пожалела об этом.

– Нет, нет... Я не имела в виду... Не обращайтесь внимания, я сама не знаю, о чем я думаю... Я не из тех, кто вываливает незнакомым людям свои проблемы. Я просто устала и расстроена, а вы были так любезны, что я... Я понимаю, вы спросили только из вежливости, и я вам очень благодарна, правда, но, знаете, – Мэри нагнулась за своим рюкзаком, – мне уже пора.

– Это Джим с таблички?

Имя Джима, произнесенное так ласково, остановило Мэри на месте. Она кивнула и сморгнула слезы.

– Да ну, что за спешка? – Элис похлопала по скамье, при-

глашая Мэри сесть обратно. – Вы можете мне рассказать. Проблема, которой поделишься, становится вдвое меньше... Ну, ладно, даже если не вдвое, то все равно же будет полегче. И не волнуйтесь за меня, мне все равно никуда особенно не надо.

– Джим позвонил, – тихо сказала Мэри, словно испытывая собственную уверенность.

Чем дольше Элис общалась с Мэри, тем больше ей хотелось узнать о ней. Она притягивала. Была совершенно особенной.

– Ну, в смысле, я думаю, это был он. Он казался таким напуганным. Или... Не знаю. Может, ему было стыдно, что позвонил? Так трудно сказать, мы не успели поговорить как следует до того, как связь оборвалась.

– Вы перезвонили ему?

– Нет, я не могла. Понимаете, он звонил не на мой мобильный. Это было в кол-центре, где я работаю. «НайтЛайн». Это местный кризисный кол-центр. Там все анонимно, мы не можем отследить звонок или перезвонить... – Слова Мэри цеплялись одно за другое, вырываясь потоком проглоченных окончаний и торопливого дыхания.

– Ничего-ничего. Вот, выпейте, – Элис постучала безупречно окрашенным ногтем по соломинке в стакане Мэри, поворачивая его к ней. Одним глотком Мэри выпила почти полстакана.

– Простите.

– Не за что.

– Это все странно, да? – спросила Мэри.

– Ну, звучит так.

– Хмм... – Мэри начала кусать заусенец на большом пальце. Элис старалась не морщиться при виде кожи под ним, красной и покрытой капельками крови. Ее, похоже, грызли годами. И столько же потребуется для заживления.

– Так кто же такой Джим? Если можно спросить.

– Один человек. Я его знаю. Ну, в смысле – знала. Он исчез.

Исчез. Сердце Элис прыгнуло куда-то в глотку.

– Это случилось семь лет назад, – прошептала Мэри.

– Простите. А можно... Могу я спросить, что случилось?

– Хотела бы я это знать. Никто не знает, где он. Я не знаю.

Его родители тоже не знают. Не то чтобы я общалась с Ричардом и Джульетт... – Мэри гоняла соломинкой тающие кусочки льда в своем стакане. – Полиция закрыла дело. Поэтому я и стала ходить на станцию с этой табличкой. Мне надо было хоть что-то предпринять. – Она зажмурила глаза. Последующие слова, казалось, вырвались сами. – Это давало мне смысл, чтобы жить.

Протянувшись через стол, Элис накрыла рукой сжатый кулак Мэри.

– Мэри, мне так жаль. Правда.

Мэри все еще избегала смотреть в глаза Элис. Но все же она сумела выдавить некое подобие улыбки – кончики ее губ

повернулись, словно пытаясь удержать внутри все рвущиеся наружу эмоции. Элис представила, как изнеможение и страх теснятся в сжатой груди Мэри, пригибая ее плечи все ниже к земле. Что-то выжигало Мэри изнутри – что-то большее, чем просто боль. Элис побоялась спрашивать ее дальше, чтобы не оказаться самой там, внутри.

– Расскажи мне еще про это место – «НайтЛайн»?

Глаза Мэри чуть-чуть просветлели.

– Я пришла туда через несколько месяцев после того, как Джим исчез. Наверное, мне надо было делать что-то полезное. Помогать тем, кому плохо. А может, научиться слушать других.

Элис не могла себе представить, как из глубин собственного кошмара Мэри нашла в себе силы идти и помогать другим.

– Впечатляет. Мне тоже надо было бы сделать нечто подобное.

– Нам всегда нужны люди. Если погуглить, можно найти наш вебсайт. Ничего особенного, но он работает. – Мэри помолчала, осознав, что все это время говорит только о себе. – А чем ты занимаешься? Не сейчас, а вообще?

– Ээ... – У Элис пересохло во рту. Ясно, что она не может сказать Мэри, чем зарабатывает на жизнь. Журналистам никто не верит. А Мэри только начала ей открываться. Последнее, чего хотелось бы Элис, это чтобы Мэри решила, что она, притворяясь добренькой, заманила ее в засаду.

– Ну, всем понемножку, в основном онлайн. В сети. В основном создаю контент.

Мэри, казалось, пропустила ее слова мимо ушей. *Строго говоря, это даже не вранье*, подумала Элис. А если и так, то совсем небольшое.

Если бы она только знала, какой снежный шар из этого вырастет.

– 7 –
2005

– Проснись и пой, – Джим поставил на прикроватную тумбочку Мэри две чашки. Она окунула в ближайшую мизинец и облизала с него молочную пену. Надо полагать, это какое-то колдовство – то, что Джим умудрился сделать кофе как профессиональный бариста. – Сейчас вернусь, там у меня еще кое-что на подходе.

Он снова вышел, и Мэри, оставшись одна, внимательно оглядела комнату. Она никогда не бывала в таких квартирах, как у Джима – точнее, вообще никогда не бывала в квартирах, – и ей нужно было время, чтобы привыкнуть ко всему этому стеклу, металлу и педантичному порядку. Мэри все это казалось довольно обезличенным, но, если ты живешь один... К тому же сам район вокруг во многом восполнял отсутствие особенностей внутри квартиры. Даже в той малой части Илинга, которую она успела увидеть, было множество уютных пабов и кафе, набитых юными парочками, прожигающими свой неисчерпаемый доход.

Мэри могла представить себе, как она здесь живет. Вот только стоит еще докупить какую-нибудь мягкую мебель в благотворительных лавочках или в том навороченном бутике, который она успела увидеть чуть дальше по Хай-стрит, –

ну, если Джим из тех, кто будет воротить нос от подержанных диванов. *Перестань, перестань, перестань.* Она снова позволила себе унести куда-то. Это всего лишь третьи их выходные, ее первые в Лондоне, и, хотя все шло как нельзя лучше, она все еще с трудом верила, что Джим настолько увлечен ею.

Но сохранять прирожденную недоверчивость, быть начеку было отнюдь не просто. В какой-то момент, когда Джим должен был выслать ей подтверждение брони полета, он позвонил ей, чтобы уточнить, как пишется ее фамилия. *Одно «н» или два?* Мэри едва успела повесить трубку, как ее окружил водоворот паники. Она что, спятила, лететь куда-то на третье свидание? Но еще хуже, она совсем спятила, – влюбляться в человека, живущего за тысячу километров?

К счастью, во время сомнений и потери уверенности у нее была поддержка и кроме Джима. Мэри очень волновалась, как мама воспримет новости о новом человеке в ее жизни, особенно о таком, кто зовет ее лететь через море, когда она должна работать. Но когда она наконец заикаясь обо всем рассказала, мама была в таком восторге, что Мэри долго не могла освободиться из ее объятий. *Я так за тебя рада, не переставая повторяла мама, ты это заслужила, пора тебе наконец-то подумать и о себе.* Мэри никогда не думала, что ее одиночество было поводом для таких маминых переживаний.

А еще была Мойра – готовая подменить ее на третьей вос-

красной смене, но желающая взамен получить ответы на самые щекотливые вопросы про Джима. Мэри спасло от стыда только то, что Дженни, их начальница в «Стормонте», застала их в тот момент, когда Мойра размахивала тремя бумажными трубками, сравнивая длину. Это положило конец расследованиям Мойры, по крайней мере, на какое-то время. Но, когда в пятницу Мэри убежала, чтобы успеть на ночной вылет, Мойра сунула ей заклеенный пластиковый пакет: очередной лифчик балконет.

Теперь в голове у Мэри не оставалось никаких сомнений, что вся эта логистика, суэта и беспокойство того стоили. Никогда, ни за что, она не могла бы месяц назад даже вообразить, что будет вот так сидеть и ждать, пока красивый англичанин принесет ей завтрак в постель. К такому можно и привыкнуть. Да и ко всему остальному тоже. Джим купил для нее всякие туалетные мелочи, которые пахли совсем не как мужские, раздобыл пачку Barry's, чтобы она могла пить настоящий ирландский кофе. Даже когда они вышли за молоком для него в лавочку за углом, Джим старался идти с той стороны, что была ближе к шоссе, проходящему через Илинг. Просто воплощение галантности.

Это только начало, напоминала себе Мэри, все еще может измениться. Но при этом молилась изо всех сил, чтобы этого не случилось.

Джим сунул голову в дверь.

– Проголодалась? – И протиснулся в комнату сам, сосре-

дотоечно балансируя тарелкой, стоящей на плюшевой подушке. – Извини, у меня нет подноса.

– Невозможно. – Мэри сделала вид, что отмахивается от принесенного, но в желудке у нее заурчало. – Пахнет просто замечательно.

– Ты мне льстишь, – Джим опустил подушку ей на колени. – Все свое, домашнее. Хлеб, конечно, не яйца. С этим придется подождать, пока я не заведу свою ферму.

– А роза?

– А ее я вчера сорвал в соседском саду, когда мы проходили мимо, а ты отвлеклась на мечты обо мне.

Мэри окинула его испепеляющим взглядом.

– Цветы означают извинения, а извинения – это для мужчин, которые что-то натворили.

– О – узнаю свою девочку. Такая романтичная.

Мэри откусила кусочек. Яичница наполовину состояла из масла – в общем, ее бедра могли бы обойтись и без этого. Она поглубже зарылась под одеяло.

– Ну, признавайся.

– Да так, одна мелочь, про которую я забыл сказать.

– Я пошутила. – Вилка застыла в ее руке. Она не могла представить, что он сейчас ей скажет. Она спросила его в первую же встречу, но что, если он соврал? Он встречается с кем-то еще? Точно – у него есть подружка. Жена. Господи Иисусе, Дева Мария и святой Иосиф, а что, если у него *есть* жена?

– Мы позже должны кое с кем встретиться.

– О... С кем?

– С моими родителями.

У Мэри открылся рот – так, что стали видны недожеванные куски домашнего хлеба, зажатые между коренными зубами.

– Все будет отлично. Я хочу, чтобы они познакомились с тобой. Это просто небольшой ланч. А потом мы снова будем вдвоем, до самого твоего отъезда...

Не слишком ли быстро все это случилось? Не стоит и говорить, что они непременно спросят, как они познакомились, что нашли друг в друге. При одной мысли об этом Мэри почувствовала, как у нее все сжимается внутри.

Джим продолжал в блаженном неведении:

– Ты им понравишься. Просто будь собой. – Когда Мэри не ответила, он отодвинул вбок подушку с тарелкой и подлез так, чтобы заглянуть ей в глаза. – Ну прости, что не сказал тебе раньше. Я не хотел тебя пугать, хотя, похоже, мне все равно удалось это сделать. Хочешь, я все отменю? Скажу, что заболел.

Мэри задумалась об этом. Но если она сейчас отвернется, что это скажет о ее вере в то, что есть между ними? И о ней самой?

– Нет, я пойду. – Джим просиял. – Хочешь, доедай сам, а я в душ. – Указала она на едва тронутую еду, которая уже остыла.

– А может, я с тобой? – Джим подобрался так близко, что Мэри почувствовала идущий от него жар. Он стянул свою майку и запустил руку под ее. – Как я понимаю, мне теперь нужно многое возместить.

Мэри никогда не бывала в таких ресторанах, какой Джим выбрал для ланча с родителями – голые кирпичные стены, толстые железные трубы на стенах вместо картин. Не сказать, чтобы она хотела прийти туда снова. В графине с водой плавал цветок. Джим рассмеялся, глядя, как Мэри отпихивает стебель в сторону, пытаясь налить себе воды.

– Мы здесь! – крикнул он.

Мэри поднялась, поправляя юбку на бедрах. Если бы она знала, что встретится с его родителями, она взяла бы с собой что-нибудь понаряднее и уж точно что-нибудь подлиннее. Ей не хотелось, чтобы они подумали, что она какая-то шлюшка, что она недостаточно хороша для их сына.

– Здравствуйте, очень рада вас видеть.

– Мама, папа, это Мэри.

– Ричард. – Отец Джима шагнул вперед и пожал ее протянутую руку, как бы сказал «да» крепким рукопожатием. Когда он отпустил ее, Мэри, продолжая протягивать руку, повернулась и к маме Джима. Но та, не замечая ее, копалась в сумочке.

– Мам, – Джим коснулся ее запястья. Она медленно подняла голову, словно это неожиданное прикосновение напу-

гало ее.

– Извините, извините, очень приятно, – она схватила Мэри за руку, которая, упав, уже повисла, как пластиковый пакет на дереве, и чмокнула ее в щеку. – Я Джульетт, и я знаю, что Джеймс уже успел наговорить вам про меня всяких ужасов. – Ее улыбка была слишком слабой, чтобы быть искренней.

Пока они сидели, изучая меню, а Джим отвечал на какие-то вопросы про клинику, Мэри пыталась как-то упорядочить свои впечатления от них обоих при помощи полусырых идей, которые, как она понимала, просто не успели развиться до сколько-нибудь определенных ожиданий. Джульетт была хрупкой, тихой и изящной, особенно по сравнению со своим большим и громким, как жизнь, мужем.

– В любом случае, сынок, приятно видеть тебя наконец с подружкой. Мы-то уж начинали думать, что тут что-то не то. – Должно быть, Мэри выпучила глаза, потому что Ричард успокаивающе похлопал ее по плечу. – Шутка, шутка! Но он уже давненько не приводил никого в дом. Джульетт, когда это было в последний раз? Джеймсу как раз тогда стукнуло двадцать, верно? А как теперь поживает Иви? Наверняка у нее все отлично. Она всегда была такой успешной. – Мэри заметила, как у Ричарда вспыхнули глаза. – Ты знаешь о ней что-нибудь?

Мэри смотрела на свою салфетку. Она знала, что у Джима было не так уж много реально серьезных бывших (что са-

мо по себе было странно, учитывая, каким он был сокровищем), но она могла себе их вообразить. Блондинки с ногами, наверняка породистые, как скаковые лошади.

– Нет, ничего. Это все было уже так давно, с тех пор все... изменилось. И в любом случае для меня теперь существует только одна женщина. – Он протянул руку и стиснул сжатую ладонь Мэри.

– Рад слышать, – сказал Ричард, наполняя вином бокалы. Джим уже выпил больше остальных. – Мэри, Джим говорил, вы занимаетесь отельным бизнесом? Это такой способ сказать, что вы работаете на ресепшен? – Его смех разнесся по всему залу. Никто его не поддержал.

– Отец! – Мэри видела, что Джим готов сцепиться с ним, но считала, что лучше бы ему не связываться; попытки возражать на подобные замечания только укрепляют снобизм. Богатым только того и надо – неужели они всерьез думают, что мы не понимаем их шуток?

– Вообще-то, я начинала на уборке, – вступила Мэри. – Потом дослужилась до работы на ресепшен, а теперь я организую приемы. Это отель «Стормонт», в Белфасте – может, вы слышали?

– Нет, не припоминаю. Но вот Джеймс расхваливал его на все лады. – Ричард казался слегка смущенным. Мэри внутренне одобрительно похлопала себя по спине. Она справится – один предрассудок за другим.

– Ну, это неудивительно. Хотя, если честно, он действи-

тельно милый. Содержится в порядке. У нас часто играют свадьбы. – Мэри надеялась, что упоминание о свадьбах может вовлечь Джульетт в разговор. Она не то чтобы скучала, но явно витала где-то еще. Смотрела куда-то вдаль, скользила пальцами по ножке бокала, вращая его содержимое.

– Очень мило. Очень мило. А чем вы еще занимаетесь – помимо работы?

– Мэри художник, – Джеймс положил руку ей на бедро, неприлично высоко. Мэри попыталась приподняться на стуле, надеясь, что рука опустится. – Она делает потрясающие карты, из ткани. Вы не поверите, пока не увидите сами.

– Звучит впечатляюще. – Казалось, интимный жест Джима напомнил Ричарду о его собственной жене. Он погладил ее по руке, и она взглянула на Мэри.

– Мы бы могли что-нибудь заказать. Может быть, Скай...⁴ – пролепетала Джульетт, и Джим с Ричардом опустили взгляды на стол. Джим, прижимая палец к тарелке для хлеба, подбирал рассыпанные крошки.

– Не сейчас, дорогая, – сказал Ричард, опуская руку. Мэри попыталась поймать взгляд Джима, но он не отрывал его от зернышка овсянки, скользившего под указательным пальцем. Мэри предпочла бы даже надменные выпады Ричарда наступившей за столом тишине. Она была какой-то жутковатой. Для постороннего человека это было непостижимо.

---

⁴ Скай – остров в архипелаге Внутренние Гебриды, на западе Шотландии. Но в данном случае, возможно, имелся в виду коктейль «Скай».

К общему облегчению, принесли еду. Мэри удалось увести разговор от темы Ская и ассоциаций, которые она явно у всех вызывала. Они обсудили работу Джима, детей какой-то кузины, которым не нравилось начало семестра, как Мэри поняла, в частной школе. Но Гебриды нависали над ними, отбрасывая на стол какой-то отблеск, который Мэри постоянно и сознательно пыталась обходить. Когда тарелки забрали, Ричард тут же попросил счет и, несмотря на возражения Мэри, не стал даже ничего слушать об ее участии. Было очевидно – он считает, что ее карточка не пройдет.

Джим вытащил ее на улицу так быстро, что Мэри даже не успела зайти в туалет.

На улице было шумно. Духовой оркестр играл перед восторженной толпой. Им трудно было расслышать друг друга в этом гаме.

– Итак?.. – спросил Джим по дороге домой. – Ты выжила?

– С трудом.

– Ты отлично держалась. И, знаешь, извини за то, что отец говорил насчет твоей работы и всего этого.

– Джеймс, я этого не стыжусь. Или ты считаешь, что я должна?

– Господи, нет, конечно! С чего ты вообще такое взяла?

– Ну, для начала, с того, что я не Иви. Я работаю в отеле, меня вряд ли можно назвать «успешной».

Имя Иви прозвучало всего-то – раза два, да? И тем не менее Мэри знала, что, кем бы она ни была, какой бы породой и

степенями ни обладала, именно ее Уитнеллы действительно хотели видеть своей невесткой.

– Я не хотел быть с Иви. И никогда не буду – ясно? Я хочу быть с тобой. И только с тобой.

Отпустив руку Мэри, Джим прижал ее к себе. Она почувствовала запах красного вина, более спиртной, чем фруктовый, и его одеколону. Какое-то мгновение весь мир вращался вокруг их прижатых друг к другу тел, пока Мэри пыталась отделить обнимающего ее мужчину от жестоких предположений людей, вырастивших его.

Когда она стала уверена, что ее голос не задрожит, она спросила:

– А что там такое со Скаем? Почему вы все так... затихли?

Молчание.

– Эй? Что такое случилось?

Джим рассеянно смотрел куда-то за плечо Мэри, на стоящие вдалеке машины. У него был такой же отсутствующий вид, как у его матери во время ланча. Наконец он тряхнул головой и поцеловал ее в лоб.

– Давай поговорим дома.

Короткая дорога на метро обратно домой дала Мэри возможность приглядеться к малозаметным переменам в человеке, который находился рядом с ней. Он продолжал держать ее за руку, но ей казалось, что его пожатие стало слабее. Они ехали молча, если не считать замечаний, которыми она время от времени пыталась перебить собственное ощущение неловкости. До этого момента все время, проведенное ими вместе – только вдвоем, – было исключительно прекрасным. Шутки, взрывы смеха, обмен тайными взглядами поверх чашки кофе или коктейля, напрочь затмевающими весь остальной мир. Теперь же, после одного-единственного упоминания Ская за ланчем с родителями, Мэри чувствовала, что между ними начинало появляться отчуждение.

– Прости, – проронил он, когда они вошли в квартиру.

Налив себе виски, Джим рухнул на диван. Мэри выбрала кресло напротив. Ей не показалось – он избегал смотреть ей в глаза. Ему даже не хватило любезности предложить ей тоже чего-нибудь выпить. Хотя она как раз нуждалась в выпивке. Вот оно? Она только не могла понять, зачем нужно оплачивать полет, чтобы расстаться с кем-нибудь в личном присутствии.

– Насчет мамы... Понимаешь, я должен был раньше тебе сказать. Было нечестно вываливать это на тебя вот так. Я надеялся, что она будет как-то получше. Что *все* будет получше. Что, может, если я снова кого-то приведу, ей придется нормально себя вести.

– Погоди – *что* будет получше? Я ничего не понимаю.

– Она... Вообще все.

– Тебе придется объяснить получше. – Мэри сама удивилась, как жестко прозвучал ее голос. Она прилетела сюда, пожертвовав заработком за выходные. И она не собиралась тратить время на какие-то жалкие извинения. – Ты вывалил на меня своих родителей. Я чертовски неловко себя чувствовала, пока мы обсуждали твою бывшую – *прелестную Иви*, – а теперь ты так и собираешься держать меня в неведении?

Джим поднял взгляд.

– Так ты хочешь узнать про Скай?

– Да.

Мэри увидела, что его взгляд снова упал. Раньше Джим всегда казался очень искренним. Но, с другой стороны, подумала она, он ни разу не вдавался ни во что более личное, чем недовольство своей профессией. А новый уровень откровенности явно вызвал заметное напряжение. Пытаясь подобрать слова, он обдирает засохшую кожу с верхней губы.

– Там умер Сэм, – наконец выдавил Джим. – Мой брат Сэм.

– Боже мой, Джим, мне так жаль – Мэри хотелось стук-

нуть себя за то, что она не была с ним более терпелива. А теперь ничего не вернешь – ни слов, ни тона. Сначала сказать, потом подумать – в этом она вся. Когда-нибудь она за это расплатится.

– Ничего. *Должно быть* ничего. Это было очень давно – прошло уже двадцать лет. Но для мамы это, увы, не так.

Мэри уже была готова раскрыть рот, чтобы извиниться, но сумела вовремя удержаться. Последнее, чего еще не хватало, – вести себя как будто бы дело в ней. Она и так уже сумела напортачить.

– Расскажи мне о нем.

Джим вздрогнул. Она снова сказала что-то не то? Но его лицо постепенно стало меняться, и в линиях вокруг губ понемногу начала проступать теплота. Может быть, дело было не столько в том, что она спросила что-то не то, сколько в том, что это вообще случилось очень редко.

– Ему было восемнадцать, – начал Джим. – Он был на два года старше меня, и мы всегда соперничали, и нарочно, и нет. Я обожал его. Сэм был и умнее, и веселее. И красивее. Мы шагу не могли сделать, что в школе, что вне школы, без того, чтобы за ним не бегала толпа девчонок. – Джим слегка засмеялся. – Он был и родительским любимцем, хотя они, конечно, никогда бы в этом не признались. Он поступил в университет и должен был уехать через два месяца. Оксфорд – медицина.

– Похоже, он был замечательным, – предположила Мэри.

– Совершенно. И я, как ни странно, даже не завидовал. – Теперь, когда Джим разговорился, казалось, что откровенность уже не так мучительна для него. Мэри отметила, что в этом и заключался особенный подход к Джиму – начинать потихоньку. – Он все брал на себя. А я мог оставаться беззаботным юнцом. Несколько безответственным, но с этим можно жить. Рядом с Сэмом я казался невидимым. Может, это все было подростковой самонадеянностью, но тогда мне так не казалось. Я думал, он будет со мной всегда. Пока он не исчез.

– Можно спро...

– Что произошло? Ага, хотел бы я знать. – Джим осушил бокал, поставил его на стол и стиснул рукой подлокотник. На локте у него вздулись вены. – Там никого из нас не было. Он был на Скае, его школьные друзья устроили там большую пьянку после окончания школы. Маме позвонили. Прямо среди ночи.

Мэри представила себе Джульетт, бледную, встревоженную ночным телефонным звонком, и то, как она, ответив, опускается на колени.

Джим сглотнул.

– Он был за рулем, и машина перевернулась. Когда мы узнали, Сэма на вертолете уже отвезли в больницу. Мы ехали туда всю ночь. Один бог знает, с какой скоростью. Нам было все равно. Всю дорогу я молился, чтобы застать его. Я никогда раньше не молился, но если что-то и могло обратить

меня к вере, то только это. Я поклялся, что сделаю что угодно, только бы с Сэмом было все хорошо.

– Но ничего хорошего не случилось. Когда мы туда приехали, он уже умер. Не пережил ночь. Мы вошли к нему. К тому времени все трубки и аппараты уже убрали, и он просто лежал на кровати. Мертвый. – Джим наконец поднял взгляд, но посмотрел не на Мэри, а куда-то сквозь нее. – После такого нельзя оправиться, да? Мама даже и близко не смогла. Отец как-то так и сказал.

– Что сказал? – прошептала Мэри.

– Что она просто ходячая покойница.

У ног Мэри зажужжал телефон. Будильник. Она не понадеялась на то, что они сумеют выехать в аэропорт вовремя, судя по тому, как они провели предыдущие два дня – все это бесконечное валяние в постели по утрам и общее функционирование в полном пренебрежении ко времени суток. Казалось, это было в какой-то другой жизни.

– Прости. Прости. – Мэри быстро нажала на кнопку.

– Нет, это ты прости. Тебе уже пора ехать?

Она помотала головой. Ей все равно не нужно сдавать багаж. Джим наклонился вперед и коснулся ее колен.

– Нет, Мэри, правда. Я серьезно. Прости меня. Этот день должен был пройти совсем не так. Я хотел завершить выходные совсем по-другому. Я вообще хотел, чтобы они не кончались. Никогда. А знаешь, что во всем этом хуже всего?

Она не могла представить, куда еще мог завести их этот

разговор. Ей хотелось только обнять и прижать к себе Джима, этого тридцатишестилетнего человека, который вдруг, перенесшись на двадцать лет назад, превратился в напуганного, потерянного подростка.

– Я думал, лучше бы умер я, а не Сэм. Он сумел бы прожить гораздо лучшую жизнь. А я провел большую часть жизни, мечтая, чтобы все это кончилось. Чтобы я покончил со всем этим.

Как он мог думать такое? Если бы Джим умер вместо Сэма, они бы никогда не встретились, и Мэри так и осталась бы лишь тенью той женщины, в которую превратилась всего за месяц их знакомства. Она поежилась. Что бы тут ни произошло, она была уверена, что оно было глубже, тревожней, беспокойней.

– Звучит словно неблагодарность, да? Но дело не в этом. Это постоянное давление. Ожидание. Да, от родителей, конечно, когда Сэма не стало; но есть еще и работа, и друзья. Я не могу допустить промаха. Иногда я думаю, какой могла бы быть моя жизнь, если бы я позволил себе какое-нибудь несовершенство. Иногда было просто тяжело вставать с постели по утрам, не говоря уж о том, чтобы делать вид, что я во всем успешен.

Мэри удержалась, чтобы не стиснуть руку, лежащую на ее колене, и не прошептать: *Ну и не надо*. В этот момент она поняла, что любит его. Что он будет всегда ей нужен – делая вид или нет.

– А потом я встретил тебя, – сказал Джим.

– П-п-прости?

– Я встретил тебя. Я понимаю, пока еще рано – я знаю. Я, знаешь, последний человек, который будет надеяться... в таких делах. Но я впервые за очень долгое время ощутил себя собой, увидел что-то, ради чего все это имеет смысл.

– Ах, мне ли не знать. – Мэри готова была возненавидеть себя за этот автоматический, стандартный ответ. Но как выразить то, что она чувствовала? Все происходило слишком быстро, как бы ей ни хотелось, чтобы это было не так.

– Ты, Мэри, совсем другая. – Должно быть, она недостаточно убедительно скрыла выражение своего лица, потому что Джим быстро поправился. – В хорошем смысле. Ты такая... не знаю, основательная. Строгая, когда стоишь на своем и ставишь на место меня. Мне так это нужно. Но мне кажется, что я-то совсем не нужен тебе. И, более того, я не знаю, *захочешь* ли ты быть со мной. Нельзя ожидать, чтобы я стал каким-то другим. С тобой я чувствую себя свободным. Ну, *более* свободным.

Джим улыбнулся. Или Мэри показалось, что улыбнулся. Улыбка исчезла так же быстро, как и появилась.

– Мы могли бы спастись.

– Что?

Джим, хмурясь, откинулся в кресле. Мэри охватило жуткое ощущение, что она засунула ногу в рот.

– Почему бы нам не уехать? – предложила она. – Ты же

говорил, что всегда хотел этого, так?

Джим посмотрел на нее, прищурившись, словно пытаясь оценить, насколько она сама верит в свой внезапный выплеск. Мэри пока так и не успела привыкнуть к пронизывающей силе его взгляда.

– Ну, попробуй меня удивить.

Эти слова так и продолжали звучать у нее в ушах, когда она приземлилась тем вечером в Белфасте.

– 9 –
2018

Придя на работу, Элис, избегая болтовни на кухне, прямо направилась к своему столу, неся большой стакан кофе, купленный по дороге. До того как в ее вены попадет кофеин, она не могла быть приятным собеседником, а уж сегодня утром, при том что она спала всего полтора часа, вообще было чудом, что она жива, не говоря уж о том, что сумела добраться до работы.

С того момента, как вчера вечером она рассталась в пабе с Мэри, мозг Элис разрывался на части. Где-то с час она беспокоилась, сумеет ли Мэри нормально добраться до дому. Хотя внешне она казалась суровой, яростно охраняющей свое личное пространство, в пабе Элис увидела и другую, более уязвимую ее часть. Она же не наделает глупостей? Элис бы надо было взять у нее телефон, но она была слишком поглощена исчезновением Джима, чтобы сообразить.

Когда же беспокойство рассеялось, его место в роли помехи сну Элис заняло любопытство. Ей не много удалось выяснить у Мэри, но это не мешало Элис изнывать от желания узнать, что же случилось с Джимом. Она была уверена, что тут крылась какая-то слишком большая и невосполнимая потеря, чтобы ее можно было забыть, и было ясно, что

Мэри с трудом справляется с ней. Если бы Элис удалось добыть хотя бы чуть больше информации, может быть, она бы смогла восстановить всю историю, как-то помочь Мэри...

– А, вот ты где! – заглянул в ее кабинку Джек, главный редактор и босс Элис. В уголке губ у него были следы чего-то, похожего на засохшие бобовые консервы. Она хотела сказать ему об этом, но передумала. Его было легко обидеть. – На пару слов.

– Конечно. – Элис вытащила из-под стола сложенный стул.

– В моем кабинете.

У нее свело желудок. Кажется, Джек ни разу не вызывал ее в свой кабинет за все эти годы. Иногда она заходила туда по собственной инициативе, когда хотела помахать у него перед носом какой-нибудь особенно удачной работой в попытке добиться прибавки к жалованию, но никогда не заходила по приказу. Что она могла сделать не так?

– Это быстро, – сказал Джек, когда дверь за ними закрылась. – Присаживайся.

Он явно нервничал. И был взволнован – больше, чем обычно. Что бы там ни было, новости будут плохими. Элис чувствовала такие вещи. Кондиционер в кабинете не работал уже давно, так что на него нельзя было списать холодок, пробежавший у нее по спине.

– Боюсь, Элис, что дела в нашей газете идут неважно. – Ну, *это* не новости. Кто вообще покупает «Горн», кроме па-

ры местных пенсионеров, которым нечего больше делать? – Начиная с будущего сентября нам предстоит сокращения, а ты была принята на работу самой последней.

– И с самой низкой зарплатой, верно?

Но Джек не принял шутки. Он взъерошил волосы.

– Это значит, что твоя работа под вопросом.

Часть утреннего кофе Элис чуть было не вышла из нее обратно. Она не могла потерять работу. На ее сберегательном счете было пусто. Она не сможет оплачивать квартиру, и у нее нет других вариантов, кроме как вернуться в Слоу жить с мамой. У нее вспотели ладони. Последний раз ей было двенадцать, когда им удавалось жить под одной крышей без осложнений. То есть четырнадцать лет назад! Это конец всему.

– Мне очень жаль, Элис, – опустил голову Джек. – Сокращение еще не подтверждено. Этого не случится до собрания акционеров, а оно будет через несколько недель, но я хотел заранее предупредить тебя, что такое возможно.

– И я ничего не могу поделать? Я могу больше работать, взять на себя новые обязанности...

Элис осеклась, не сказав, что ей можно сократить зарплату. Она просто не сможет жить на меньшие деньги.

– На твоём месте я бы работал над своим резюме, чтобы оно выглядело как можно лучше. Может, стоит выложить онлайн твои лучшие работы.

– Да у меня их нет! – Ее голос прозвучал громче, чем

она думала, и в наступившей за этим неловкой тишине Элис вспомнила про вчерашнюю вспышку Мэри. Тишина, следующая за несдержанным отчаянием.

– У тебя есть время, – Джек взглянул на календарь на стене. – Они не соберутся до начала сентября, а до этого еще три недели. Если ты сумеешь достать мне хорошую историю, я поставлю ее на первую страницу. И в самом начале онлайн-выпуска. Если ты сделаешь что-то хорошее – действительно хорошее – до конца августа, я это напечатаю. Это я тебе обещаю, Элис.

– Спасибо, я очень признательна, – сказала она, стараясь преодолеть скребущее ощущение в горле. Нельзя плакать. По рабочему поводу. Особенно когда нужно, чтобы ее воспринимали всерьез.

– Держи меня в курсе этой твоей истории. Я придержу для тебя августовский выпуск.

В любой другой ситуации доброта Джека заслуживала хотя бы улыбки, но Элис боялась, что у нее задрожит нижняя губа. Вместо этого она вышла из кабинета и кинулась на свое место, прежде чем кто-то спросит у нее, в чем дело. Сделав три глубоких вдоха, она попыталась сдержать подступающую панику. *Соберись, Китон. Должна быть какая-то надежда удержаться здесь*, подумала Элис.

Ну ведь ей же предложили первую страницу – а это немало. Элис так долго мечтала об этой возможности. Она только не думала, что за нее придется отдать такую цену. Ну и –

разве местные события в силах убедить кучку надутых корпоративных заправил, что под вопросом *не должна* оказаться ее голова? Тут же никогда ничего не происходит. Можете поверить женщине, описавшей за последние два года четыре открытия зубоврачебных кабинетов.

Элис достала телефон и по привычке заглянула в «Твиттер». Источник всех важнейших новостей – по крайней мере, в ее поколении. Она сама не знала, что думала там найти. Вдохновляющую фразу? Подходящую шутку? Идею для очередной унылой статьи?

Или все вместе сразу.

Первым в ее ленте новостей шло видео – судя по всему, популярное. Убедившись, что звук в телефоне выключен, она нажала на запуск. Сначала было трудно понять, что происходит там, где это было снято. Разрешение было низким, возможно, съемка велась телефоном. Были видны только спины, сумки и пальто, куски взъерошенных причесок. Похоже, там были сотни людей, замкнутые в ограниченном пространстве, может быть, даже тысячи. Все они топтались на тех же нескольких сантиметрах, и вдруг замерли.

Через секунду пространство перед камерой волшебным образом раскрылось. Элис узнала станцию. И там, в самой середине... Ее сердце застучало так громко, что она подумала, не услышит ли его Эрика, ее соседка по другую сторону перегородки.

Там была Мэри – снятая в полный рост.

Во время своей вчерашней вспышки.

Элис уронила телефон на стол, а голову – в ладони. Глубоко личный момент отчаяния Мэри оказался в широком публичном доступе – это невозможно, невыносимо! Это нарушение всех прав, вот что! Как такое могло случиться? Элисхватила из сумки наушники и подключила их к столу. Да, она старалась не выходить в соцсети с рабочего места, но сейчас можно сделать исключение. Ну и, судя по сообщению Джека, ей в любом случае особенно нечего терять.

Пост, который Элис увидела в своей ленте, принадлежал ее старой школьной подруге, бьюти-блогеру, которая перепостила оригинальное видео, озаглавив его «КОРОЛЕВА». Элис перешла по ссылке в изначальный пост. Кто там считает, что имеет право освещать срыв Мэри без ее ведома? Некто по имени *Саймон Зигер*, вот кто. Крыса. Под кадром шла подпись: «Увидел это по пути домой. ВОТ как надо делать дела». Это сообщение уже перепостили двести тысяч раз, и число продолжало расти.

Но было и кое-что похуже. *Двадцать тысяч комментариев*. Элис почувствовала, что утренний завтрак поднялся в глотку. Сбравшись с мужеством, она навела курсор на иконку комментариев. Интернет возбуждает в людях их наихудшие проявления, его анонимность – отличное прикрытие для демонстрации самых отвратительных издевательств. Справится ли она? Но она просто обязана. Лучше уж она увидит это все, чем сама Мэри. Несмотря на то что они

виделись лишь однажды, Элис чувствовала потребность защитить Мэри – так всегда получается, если тебе доверяется женщина, не склонная к откровенности. Если кто-нибудь тут скажет ей какую-нибудь грубость... Элис в ярости сжала под столом левый кулак и собралась с мужеством кликнуть – правой.

Первый комментарий был утешительным – «добилась своего»; второй примерно в том же ключе – «рабочий настрой». От третьего Элис поперхнулась. Это был невнятный, но грязный намек от какого-то анонима. Она представила, как Мэри читает такое, и с ее лица сбежала краска. Этого нельзя допустить. Просто нельзя. Она и так достаточно страдает. Даже если Элис придется провести целый день, подавая жалобы на безликих извращенцев, она все равно это сделает.

Но, к счастью, она, как всегда, поторопилась. При ближайшем рассмотрении грубых комментариев оказалось очень мало. В основном люди писали что-то вроде «lol», «класс», «звезда». Более внимательные обращали внимание на табличку – «что это значит?» – а некоторые спрашивали насчет Джима – «А где же он?». В глазах Элис то и дело снова всплывало лицо Мэри, сморщившееся при ее рассказе, как Джим дозвонился ей, меньше чем сорок восемь часов назад. В сравнении с этим даже наиболее доброжелательные комментарии звучали пустышками.

Видела ли уже сама Мэри это видео? Ей, конечно же, будет ужасно неловко, что ее секундная несдержанность была

поймана камерой; не говоря уж о том, что теперь бесконечное количество посторонних обсуждает ее личную жизнь. Но, может, эти новости не дойдут до нее? Быстрый поиск в «Гугле» «Женщина со станции Илинг» показал, что видео пока не вышло за пределы социальных сетей, а Элис не могла себе представить, что у Мэри есть страничка в какой-нибудь из них, а если вдруг и есть, то вряд ли она часто туда заглядывает.

Она вернулась в «Твиттер» и изначальный пост с видео, который с тех пор, как она смотрела туда в последний раз, прибавил больше сотни комментариев. Она начала читать последние:

– Как кто-то мог уйти от такой женщины?

– Куда подевался Джим?

– #НайдитеДжима

– ВЕРНИТЕ ЕГО ДОМОЙ.

– Да тут целая история.

Да, подумала Элис, тут есть история. И если уж кто-то и раскопает ее, то это будет она.

– 10 –
2005

– Приехали!

Мэри произнесла это напряженным голосом, повернувшись к Джиму спиной. Коттедж был не таким, как в он-лайн-описании. Это вообще с трудом можно было назвать коттеджем. Скорее уж сарай, хотя это было бы нечестно по отношению к садовникам. Ладно, тогда хибара.

Первые несколько дней по возвращении из Лондона Мэри была парализована ответственностью за планы «побега» для них с Джимом. Ничто не могло затушить возникшую между ними химию быстрее, чем обращение к ее внутренней Девочке-Организатору. Но она же уже не могла отступить? Всякий раз, как она думала про Джима в его квартирке в Илинге, признающего, что лучше бы это был он вместо Сэма, Мэри чувствовала, как у нее снова и снова разбивается сердце. Она должна уничтожить эти мысли у него в голове, одну за одной.

К сожалению, состояние финансов Мэри означало, что весь «побег» будет сведен к поездке на выходные, которую она и планировала теперь каждый вечер после работы в общественной библиотеке неподалеку от «Стормонта». Библиотека, конечно, была далеко не личным кабинетом (на что

и намекало ее название), но все равно это было в разы лучше, чем старенький компьютер, притулившийся в углу гостиной О'Конноров – где каждый сидящий рядом, мог поинтересоваться, чем это занимается Мэри. Насколько она знала, никто из братьев пока не был в курсе, что на сцене появился мужчина, и ей хотелось бы, чтобы это так и оставалось. Они с Джимом встретились чуть больше шести недель назад, и их счастье было все еще слишком драгоценным, чтобы делиться им.

Мэри прикинула, что может выделить на эту поездку 200 фунтов, и даже это полностью опустошит кубышку ее накоплений. Эти средства не оставляли большого выбора в смысле места, и в конце концов она остановилась на том, где уже бывала раньше: Порттраш, курортный приморский городок на побережье Антрима. Теперь, когда начались занятия в школах, там будет довольно тихо, ведь это далекоовато от туристских троп, на диком побережье. И дешево, хотя она должна была бы понимать, что в самом дешевом жилье должна таиться засада. Мэри попыталась припомнить описание, прилагавшееся к хорошо сделанным при ярком освещении фотографиям, – на ум приходили слова «романтично», «уютно», «оригинально».

Но между позитивным настроем и ложной рекламой – большая разница. Она забронировала пять ночей. Жилье состояло из одной комнаты: узкая двойная кровать у дальней стены, стиснутая по краям двумя высокими шкафами, ку-

хонный стол, практически упирающийся в изножье кровати так, что среднего размера гость мог бы достать свой утренний тост пальцами ног. Ни ванной, ни туалета вообще было не видать.

– Я лично всегда любил писать на улице.

Джим обхватил Мэри рукой за талию и попытался повернуть к себе. Она упиралась. Как, как она умудрилась так все испортить? Да еще притом что ставки так высоки? Злость на мошенников из компании по аренде сменилась желанием плакать. И Джим совсем разочаруется в ней, увидев такое, когда она должна быть сильной за них обоих. Ни одни хорошие каникулы не начинаются с того, что главный организатор хлопает на чьем-то плече. Даже если плечо Джима идеально для этого подходит.

– Прости меня, оно не выглядело... – Мэри начала возиться в телефоне. Если только тут есть сигнал, она сможет доказать, что была не так уж беспечна в выборе.

– Нет! Не желаю ничего слушать! – Джим поцеловал ее в щеку. – Что там говорится про возвращение к основам?

Он бросил сумку в угол и скинул ботинки. Один задел радиатор, и его заслонка, отвалившись, упала на пол, выпустив облачко серой меловой пыли. Мэри только надеялась, что это не был нагревательный элемент. Впрочем, непохоже было, что здесь затопят в ближайшее время. Она поежилась. Осень уже достигла той своей поры, когда новизна зрелых каштанов и золотых листьев под ногами уступила место

естественному желанию снова увидеть солнце.

– Черт побери! – Джим в носках стоял на матрасе, сгибаясь под весом одеял, вывалившихся с верхней полки шкафа. – Как думаешь, это признак того, что мы тут замерзнем?

Мэри подняла синий плед из шотландки, спланировавший к ее ногам. Он пах пылью даже сильнее, чем можно было бы ожидать, посередине у него зияла большая дыра, а края были скукожены.

– Ну брось, тебе же самой смешно. – Джим спрыгнул с кровати и подошел к ней. Вокруг талии у него было намотано незаконченное лоскутное покрывало. Торчащие из него нитки свисали на плитки пола. – Ну хоть улыбнись. – Вынув плед у нее из рук, он обернул ее в него, как в саронг.

Это действительно было смешно. Нелепо. Безусловно, ужасно. Но они хохотали до тех пор, пока не заныло в животе и не стало трудно дышать. Всякий раз, когда они останавливались, каждый новый взгляд на их наряды, до того злоеющие, что на них должно было бы быть предупреждение медицинских служб, вызывал новый приступ хохота. Как Джиму это удавалось? Развязать все узлы в голове Мэри и напомнить ей, что в мире было действительно важным.

Ту ночь они провели в построенной Джимом крепости из подушек и одеял. Пока Мэри, вырвав себя из его рук на какое-то время, готовила ужин, он изобразил полог над кроватью из одеял и пледов, которые были засунуты по всем ящикам и углам. Среди складок он разместил три обнаружен-

ных там же велосипедных фонарика. Если не дышать носом и прижмуриться, то все это, на взгляд Мэри, казалось почти роскошным.

– Ты сделал лучшее из ужасного, – сказала она, поудобнее прижимаясь к груди Джима.

– Я могу сказать про тебя то же самое.

– Ну, я-то не сварила суп.

– Я имею в виду себя, – ответил Джим.

Сделав глоток из бутылки красного вина, он протянул ее Мэри. Она было слегка напряглась, увидев, как он ставит в багажник взятой напрокат машины целый ящик – неужели ее общество настолько ужасно, что требует всей этой выпивки? – но теперь, увидев место их пребывания на следующие несколько дней, не могла быть в большей степени признательна Джиму за его нестандартный подход к сборам.

– Ну да, это-то конечно. Ты просто ужасный.

Она все еще не до конца привыкла чувствовать его рядом с собой, к теплу его обнаженного тела, к ощущению кожи под ладонью. И в то же самое время ей ни с кем никогда не было так комфортно. Время от времени Мэри приходилось останавливаться и напоминать себе, что они встречались только четыре раза – что провели вместе меньше двадцати дней. Всего. Грань между безумием и великолепием действительно была очень тонка – особенно в случае с Джимом.

– Я мог бы скрываться здесь, – сказал он, опираясь на локти и глядя сквозь щелку в собственноручно сделанном за-

навесе в окно. Ставни были сломаны, и дождь бил прямо в стекла.

– Ну, так и не похоже, что мы отсюда куда-нибудь уйдем, – пробормотала Мэри.

Даже сама не до конца в это веря, Мэри вдруг поняла, что ничего не хотела бы больше, чем так и лежать вот здесь до тех пор, пока хозяйка их не выгонит. Ей не нужно было больше ничего. И никого. Она подумала, может быть, это и есть любовь. Когда ты ощущаешь покой. Если так, то оставалось только надеяться, что это чувство не окажется таким хрупким, каким его считает весь мир.

Джим лег на спину и перевернул Мэри на бок, прижимаясь грудью к ее спине. Она устала с дороги и чувствовала, что понемногу засыпает.

– Это именно то, что мне было нужно, – пробормотал он в гущу ее волос. – Думаю, *ты* – именно то, что мне было нужно.

Мэри быстро поняла, – что лучший отдых – это перемены и наоборот. Честно говоря, у нее не было особого опыта каникул, отпусков – да как все это ни назови. Но она отдохнула впервые за долгие годы. И хотя, в метеорологическом смысле, выходные в Портраше были слиты, физически и эмоционально это был успех. Мэри спала каждый день больше десяти часов. Джим утверждал, что он тоже, хотя пару раз, проснувшись среди ночи, чтобы штурмовать туалет на ули-

це, она была уверена, что видит его раскрытые, глядящие в потолок глаза.

Но, кроме этого, других признаков той боли, что она увидела в свой последний день в Лондоне в глазах Джима, не было. Она надеялась, что этот груз поднялся с его плеч и исчез. Она не упоминала ни Сэма, ни его родителей и старалась по возможности не говорить о работе. Совершенно не обязательно объединять все аспекты их жизней. Если она может быть единственным светлым пятном в жизни Джима, то это, конечно же, честь. И ей больше не нужно было постоянно беспокоиться обо всем. Теперь, когда у них все было так хорошо и многообещающе.

В последний день впервые появилось солнце. *Хороший знак*, подумала Мэри, собирая в косметичку туалетные принадлежности. Чтобы вызвать у Джима хоть какой-то энтузиазм по поводу туризма, потребовались определенные усилия, но теперь он хотя бы уже был в душе, выстукивая по пустым бутылкам какую-то незнакомую ей мелодию.

– Мы выезжаем в пять. Не вынуждай меня вытаскивать тебя оттуда, – прокричала Мэри сквозь шум.

– Тогда не делай предложений, от которых я не смогу отказаться.

Она повесила полотенце на дверцу душа и пошла обратно в хижину собирать вещи, пока ее не покинула собственная решимость.

Час спустя Мэри въезжала на парковку перед замком Дан-

люс. Прямо впереди них встрепанный учитель, размахивающий дощечкой с блокнотом, пытался выстроить школьников в рядок в конце очереди в кассу.

– Стало быть, школьная экскурсия, – приподнял бровь Джим, когда затих двигатель.

– Это важное историческое место. Очень интересно.

– Кому именно?

– Тебе. Вот увидишь. Давай вылезай.

Взяв Джима за руку, Мэри протащила его мимо экспонатов, стоящих у входа, опередив на мосту кучку детей, которые прыгали вверх-вниз, выясняя, не рухнет ли он. Они отыскивали тихий уголок, выходящий на воду, и сели, глядя, как волны внизу вгрызаются в мокрые скалы. Пена вокруг утесов сияла на солнце, и волшебный берег простирался в обе стороны, насколько хватало глаз.

Джим слегка толкнул Мэри бедром.

– Должен признать – это потрясающе. Оно того стоило.

– Я знала, что тебе понравится. И только подумать: мы бы не увидели этого, если бы я поддавалась на твои уговоры.

– А ведь почти уговорил, верно?

Она сухо улыбнулась краем губ. Мужчины типа Джима не нуждаются в подпитке эго.

– Вот ты весь в этом, ты в курсе? – Она попыталась засунуть руку в его задний карман, но он увернулся и отодвинулся, чтобы она его не достала.

– Что у тебя там? Ты от меня что-то прячешь?

– Возможно.

Мэри снова попыталась достать до кармана. Но у Джима по лицу мелькнуло некое подобие гримасы, остановившей ее. Прежде чем она смогла сказать хоть что-то, момент был прерван появлением все той же группы буйных школьников. Они повисли на перилах справа от Джима, ожидая, что брызги волны дотянутся до них, и с визгом отскакивая на сухое место.

– Ну может уже хватит? – спросил Джим.

Он снова улыбался. Раздражение, которое заметила Мэри, если и было, то прошло. Она подумала, хорошо ли, когда у кого-то такое неустойчивое настроение – или же такие вещи кажутся странным и *только ей*, с учетом того, что она более десяти лет успешно растила нескольких оболтусов-школьников. Но сейчас, предвидя гораздо более важный разговор, она быстро откинула эти мысли.

– Чего хватит?

– Детей, – ответил Джим.

– Это настолько ужасно?

– Такое не для меня, – признал он.

– И насчет своих тоже?

– Ага.

– Честно. Это и не для меня. – Мэри никогда особо не задумывалась о собственной семье, и теперь этот простой факт, казалось, подтвердил ее ответ. Не сказать чтобы это ее волновало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.